

Роскошная внешность манекенщицы и фотомодели Нины вызывает зависть женщин и восхищение мужчин. Розы, шампанское, поклонники и муж... безжалостный наемный убийца...

- [Авраменко Илья & Костюченко Евгений](#)

-

Авраменко Илья & Костюченко Евгений

Нина (отрывок)

И. Авраменко, Е. Костюченко

Нина

(отрывок)

Роскошная внешность манекенщицы и фотомодели Нины вызывает зависть женщин и восхищение мужчин. Розы, шампанское, поклонники и муж... безжалостный наемный убийца.

В жизни Нины все смешалось в тугой клубок. Искренняя любовь и предательство, надежды и разочарования, череда убийств и обретение новых друзей. И со всем этим один на один красивая и сильная НИНА!

Эта книга - правдивая и в то же время романтическая история современной молодой женщины - мадонны и воина!

На основе талантливого сценария Ильи Авраменко блистательный петербургский писатель Евгений Костюченко написал захватывающий роман, рассказывающий истинную историю Нины.

1

Манекенщица и фотомодель Нина Силакова настолько любила свою работу, что иногда ей было даже как-то неловко еще и получать за нее деньги. Дефилировать по сцене в нарядном платье и видеть восторженные лица зрителей было так же приятно, как выбирать подарки сыну. Впрочем, в каждом деле есть и теневые стороны.

Подиум, яркий свет, музыка и аплодисменты - все это чудесно, но рано или поздно с Олимпа моды приходилось спускаться. Здесь, внизу, начиналась совсем другая жизнь. И Нина понимала, что именно из-за этой другой жизни она может с чистой совестью получать немалые деньги. В качестве моральной компенсации.

Стоило Нине зайти за кулисы, как очередной назойливый поклонник с букетом преградил ей путь:

- Мечтаю пригласить вас на ужин. Мечтаю пить шампанское из вашей туфельки. Мечтаю...

Сохраняя на лице ту же улыбку, с какой она только что парила над подиумом, Нина мгновенно оглядела респектабельного господина. Ей хватило одного взгляда, чтобы увидеть все - от дорогого галстука до золотого "Ролекса" и ужасных носков с рисунком в виде куриных лапок. Такой и в самом деле способен пить из туфли.

Когда так приставали к ней на улице, Нина делала вид, что ничего не слышит и не видит. При случае она могла бы и ответить на том языке, который только и понимали эти озабоченные самцы. Но здесь, за кулисами, не бывает случайных людей. Если этот кандидат в ухагеры попал сюда, значит, не стоит обходиться с ним слишком грубо. И Нина сказала, не останавливаясь ни на миг:

- Чудесный букет! Но я ужинаю только с мужем.

И упорхнула в раздевалку.

Снимая последнее за этот вечер платье, Нина немного расстроилась из-за того, что ей пришлось хоть немного, но солгать. Сегодня она будет ужинать одна, без мужа, потому что Саша опять укатил в командировку.

Он уехал сегодня ночью, да так, что она и не заметила. Заснула, обнимая мужа, а проснулась одна. И сразу же звонок. "Проснулась, Нинульчик-нежнульчик? А я уже в Питере. За пять часов долетели, прикинь. Не волнуйся, быстро провернем все дела, и пулей - обратно!"

Другая бы обиделась или начала что-то подозревать, но только не Нина. Как можно жить с человеком, которому не доверяешь?

Ее задело не то, что он уехал так внезапно и скрытно. Ей было обидно за него: Саша был не последним человеком в своем фонде ветеранов, а в поездки его гоняли, как юного курьера. Неужели нельзя было предупредить заранее? Неужели нельзя было отправиться в Петербург в уютном вагоне СВ, а не на бешеном "мерседесе"? Это ж надо, за пять часов промчаться от Москвы до Питера! Надо будет обязательно поговорить с Сашей, чтобы он потребовал более почтительного к себе отношения, решила Нина.

Уложив сына спать, она еще долго сидела с книгой, то поглядывая на экран телевизора, то снова пытаясь читать. Но мысли ее были далеки отсюда. Она вспоминала, каким был Саша семь лет назад, когда они встретились. А был он таким же, как сейчас, покладистым и исполнительным, и никогда не лез на первые роли. "Нет, - вздохнула Нина, - никогда он не сможет постоять за себя. Так и будет носиться по командировкам до глубокой старости".

Семь лет назад... Неужели прошло уже семь лет? Они познакомились на конно-спортивной базев Знаменке. Нина выводила из конюшни своего Брегета, а пятиборцы из московского "Динамо" как раз пришли подбирать себе лошадей для тренировок. И Саша встал как вкопанный перед Брегетом, а потом увидел Нину и расцвел: "На таком коне может сидеть только такая девушка".

Никогда он не умел говорить комплименты. Да и не пытался никогда. Они ему были ни к чему, потому что Сашины глаза говорили лучше всяких слов. Он, забыв о тренировке, просто смотрел на Нину все время, пока она занималась с Брегетом в манеже. И от этого взгляда у нее словно крылья за спиной выросли. Вдохновение наездницы, наверно, передалось коню, и Брегет был, как никогда, безупречен и послушен. И даже когда Саша приблизился на своей лошади, норовистый жеребец стерпел такое соседство. Молча скакали они вокруг базы по лесной дороге, наматывая круг за кругом. Так же, без слов, вернулись в конюшню и еще долго занимались со своими лошадьми. Удивительно, но им обоим было хорошо без всяких слов - просто быть рядом, просто видеть друг друга.

Весь месяц, пока длились сборы, Саша виделся с Ниной каждый день. Через два дня они уже поцеловались, а через неделю решили, что поженятся, как только Нине исполнится восемнадцать.

В августе, 19-го числа, она приехала к нему в Москву, но Саша ее почему-то не встретил. Его телефон не отвечал. По Ленинградскому шоссе катилась бесконечная колонна бронетехники. Нина подумала, что идут какие-то большие учения, и Сашу, прапорщика внутренних войск, вполне могли к ним привлечь. Эта мысль успокоила ее, и она решила не возвращаться домой, пока не закончатся эти учения.

"Учения" закончились развалом Советского Союза. Нина все это время прожила в Сходне у своей дальней родственницы, и каждый день звонила Саше. Он поднял трубку тридцать первого декабря. Новый год они встретили вместе, в его служебной квартире, где было только три предмета мебели холодильник, стол и диван, а в прихожей стояли два чемодана, ее и Сашин.

Вспоминая об этих первых годах, Нина всегда удивлялась - как же сильно они любили

друг друга, что не замечали никаких бытовых неудобств. Впрочем, и сейчас, спустя семь лет, они не намного улучшили свои жилищные условия и ютились на тридцати метрах в Марьино, несмотря на то, что оба зарабатывали вполне достаточно. Дела у Саши постепенно наладились, хотя и пришлось пожить на иждивении у жены первое время, когда он ушел из армии. А теперь они могли бы, к примеру, переехать на Чистые пруды (Нина уже присмотрела там чудесную квартиру), но у Саши были другие планы. Он, правда, разрешил жене подыскать загородный домик, но покупать его не собирался. "Снять на полгода, а там видно будет", - загадочно улыбался он в ответ на все ее вопросы.

Задумавшись о том, как ей обустроить этот загородный дом, Нина заснула. Ей снились коттеджи за кирпичными заборами и бревенчатые срубы с золотыми куполами. Виделись ей и виллы со стеклянными стенами на белом берегу лазурного моря, и камышовые бунгало, в каких они жили на отдыхе в Таиланде, - много разных загородных домиков увидела Нина в эту ночь, но ни в одном из них не было Саши. Наверно, поэтому она проснулась с ясным ощущением тревоги за мужа.

Петька, как всегда, встал раньше нее. Пока она лежала в постели, борясь с дремотой, он уже прошлепал босиком в ванную, сам умылся, сам оделся и сам стащил с мамочки одеяло:

- Вставай, мам, а то в садик опоздаем!

Не поднимаясь, она нащупала телефон и набрала номер Сашиного мобильного. Ей так хотелось услышать его голос, но вместо него вежливая телефонная барышня сообщила, что абонент временно недоступен. "Дрыхнет абонент", - сердито подумала Нина. - "Прогулял всю ночь со своими коммерсантами, а теперь, конечно, недоступен".

Она натерла две моркови на крупной терке, порезала янтарную курагу и мелко покрошила лимон, выбросив косточки из растекшейся лужицы сока. Всю эту пеструю горку Нина высыпала в черную глазированную миску, перемешала, добавила соли и сахара, заправила сметаной. Таким был ее обычный завтрак салат и кусочек хлеба. Пара ложек салата доставалась и Петьке. Раньше Нина готовила ему кашу, но, когда сын стал ходить в новый садик, от домашних завтраков пришлось отказаться, чтобы не портить аппетит. Точнее, чтобы не портить отношения с воспитательницей, которая поначалу сочла Петьку капризным, своенравным и упрямым. И все из-за того, что он не ел детсадовскую кашу.

Пока Нина готовила, Петька терпеливо сидел за столом.

- А когда папа приедет?

- Скоро.

- А почему он не попрощался?

- Он же ночью уехал. Не хотел будить нас.

- А я и не спал совсем. Он думал, я сплю. А я проснулся. За ним парни приехали. Он тебя поцеловал, потом меня. Потом я в окно видел - такой черный джипяра. Галенваген. Папа в нем уехал. Это, между прочим, самый лучший джипяра. Я когда вырасту, тебе такой куплю. Он тебе нравится?

- Мне не нравится, как ты говоришь. Что это такое - "джипяра"? Разве ты слышал, чтобы я так говорила, или папа?

- Все так говорят. Все пацаны, которые к папе приходят. И дядя Егор.

- Нашел у кого учиться. Поел? Давай одеваться.

У Нины всегда портилось настроение при упоминании о Егоре, Сашином приятеле. Она считала, что мужа на работе окружают такие же, как и он, бывшие военные, милиционеры, пограничники. Одним словом, ветераны. Но этот Егор, когда-то служивший простым

конвоиром, слишком многое перенял от своих подопечных. И манеры, и жесты, и речь - все у него было с каким-то блатным оттенком.

Однако Саша встречался с ним чаще, чем с остальными товарищами, потому что Егор был его заместителем. Как бы, типа, заместителем.

- Если будешь брать пример с дяди Егора, никогда не купишь такой джип. Нет, ты вырастешь культурным, образованным человеком. Станешь юристом или финансистом. Или дипломатом.

- А дядя Егор - кто?

- Он простой водитель. Ездит на чужих машинах.

- А папа - кто?

- А папа? Это - папа.

Они уже оделись и стояли на пороге, когда зазвонил телефон. Петька потянул Нину назад:

- Это папа звонит!

Но в трубке опять зазвучал совсем не тот голос, который так хотелось услышать Нине.

- Говорит администратор Пестрова. Силакова, вам надо явиться в агентство к десяти часам.

- А в чем дело? - недовольно спросила Нина.

- Надо решить важные вопросы.

- Почему такая срочность? Неужели нельзя было предупредить вчера об этом?

- Вот я вас и предупреждаю. Всех благ, - ехидно ответила Пестрова и положила трубку.

У Нины были немного другие планы на сегодняшнее утро, и звонок из модельного агентства расстроил ее. Она глянула в зеркало и решила не тратить время на лишний макияж - для Пестровой сойдет и так. Да и времени в обрез.

Но стоило ей захлопнуть за собой дверь, как в оставленной квартире снова раздался телефонный звонок.

Петька остановился:

- Это папа!

- Пошли, опоздаем!

- А вдруг это папа?

Переспорить этого пятилетнего зануду было невозможно, и Нина снова вернулась к телефону. На этот раз, однако, разговор получился куда более приятным.

- Добрый день, это Дима из "Жилищной корпорации"...

- Да, Дима, я слу... Ура! Когда? Ура! Серьезно? Ура-а! Готовьте документы, я перееду сегодня же!

Нина вылетела на площадку, радостно тормоша сына.

- Петька! Петька! Дом готов! Мы сегодня же можем заселяться! Ура!

Петька деловито спросил:

- А как я в детский сад оттуда буду ходить? У меня же друзья. Что мне, бросать их из-за вашего дома?

- Да будешь как-нибудь, будешь! Эх ты, зануда!

День начался с настолько приятной новости, что Нина вмиг позабыла и о своих ночных тревогах, и о противной администраторше Пестровой. Жить за городом - об этом можно было только мечтать. И вот мечта вдруг исполнилась!

Окрыленная, Нина была готова бежать к своей машине, чтобы поскорее уладить все

дела, но Петька придержал ее за руку:

- Мама, не беги, люди смотрят.

Вот об этом ей не надо было напоминать. Годы работы в модельном агентстве приучили Нину всегда держаться так, словно за ней наблюдают многочисленные зрители, даже когда она ехала в пустом вагоне трамвая.

Сейчас, выходя из подъезда, она привычно свела лопатки и подняла подбородок, хотя единственными зрителями в этот ранний час были два небритых и помятых субъекта, сидевшие в детской песочнице.

Субъекты эти назывались Толяном и Коляном. Вчерашняя ночь наступила для них внезапно и в совершенно неподходящем месте. Проснувшись в песочнице и убедившись, что вокруг них только пустые бутылки, они по очереди затягивались последней папироской и предавались горестным раздумьям.

- В моем сознании не укладывается, - говорил Толян. - Как это так давать Тому Хэнксу "Оскара". Это же актер без внутренней фантазии, без полета, без душевного порыва.

- Смотрите, какой кинолог! - с сарказмом возразил Колян. - О какой фантазии, о каком порыве ты смеешь бакланить, когда люди гуляют на всю катушку, гуляют типа "не жди меня, мама, хорошего сына", а ты, как последняя зыза, тыришь чирик себе на утро.

- Да. Я заначил чирик, - не без гордости признал Толян. - Я теперь как человек. Пива могу выпить. А ты?

- А я, если захочу... - Колян встал и одернул измятую тенниску, чтобы продемонстрировать свои возможности, - я все достану.

- Тоже мне Дед Мороз.

- Ага... а вот и Снегурочка, - обрадовался Колян, увидев Нину.

Он пригладил волосы и решительно двинулся на перехват.

- Ниночка! Красавица! А я как раз к тебе! Выручай!

Нина остановилась у "вольво" и открыла дверь для Петьки.

- Дядя Коля, ты знаешь, я на водку не даю.

- Какой там! Я проспал! Бабушка ко мне приезжает, девяносто три года... из этого, ну... из Костромы! Проспал я! Отвези на вокзал, выручи!

- Да ты что! Да мне же в десять... нет, я не могу, ты что!

- Ну все, - Колян трагически махнул рукой и отвернулся, понурившись. Пропала старуха! Первый раз в Москве, собралась к внуку, а я, как последняя сволочь... Даже не встречу теперь...

- Слушай, ладно... Вот тебе деньги. Возьми такси. Вот. Этого хватит.

- Отработаю! Матушка! Бачок починю! Красавица! Ты скажи только!

Нина, отмахиваясь от него, села в машину. Белая "244-я" чихнула пару раз, завелась и с места, без разогрева, рванула прочь со двора. Колян подобострастно помахал ей вслед и поцеловал зажатую в кулаке сторублевку.

- Гуляем, Толян! - провозгласил он, вернувшись к песочнице. - Что там твой несчастный заныканный чирик по сравнению с моей Снегурочкой! Вот как надо с бабами работать, ты понял? А то - Оскар, Оскар.

- Красивая пташка, - проговорил Толян. - На иномарках раскатывает. Что за птица?

- Нинулечка, с третьего этажа... - Колян важно пошевелил пальцами над головой. - Фотомодель. Вот, сто рублей мне дала. Голубь, а не баба!

- Не голубь, а жар-птица, - поправил его собеседник, более искушенный в русском

фольклоре.

- В общем, редкой души человек, - с дрожью в голосе произнес Колян. И добавил сочувственно: - Но - дура душой.

Возможно, в этом суждении и было зерно истины. Нина и сама часто ругала себя за то, что не умеет отказывать. Слушая в исполнении своего соседа с первого этажа очередную драматическую историю о заболевшей племяннице или приезжающей бабушке, она понимала, что все это скорее всего беспардонная ложь. Но каждый раз нехитрая уловка достигала своей цели, и Нина давала Коляну деньги. Потому что каждый раз боялась, что племянница и в самом деле нуждается в лечении, а старушка и в самом деле стоит на вокзале и беспомощно озирается, ожидая беспутного внука. Нина считала, что лучше быть обманутой, чем отказать в помощи.

По дороге в детсад она остановилась у киоска и купила журнал со своим портретом на обложке. Это, похоже, переполнило чашу Петькиного терпения, и он принялся ворчать, смешно копируя интонации своей деревенской бабушки.

- Ты транжира. Зачем дядьке деньги дала?

- Ему нужно.

- А нам не нужно?

- Мы с тобой еще заработаем, а ему сейчас негде было взять.

- А журнал зачем купила? У нас такой есть.

- Этот я не для нас купила.

Нина свернула с улицы в проезд между домами и остановилась у забора детского сада. Здесь уже стояла перламутровая "тойота", и толстая мамаша выкорчевывала из нее пухлого малыша. На газоне детсада стояла заведующая, Эвелина Георгиевна, в своем белом халате с голубым воротничком. Она лучезарно улыбнулась толстой мамаше и, повернувшись к Нине, посмотрела на часы.

- Morning! - выпалил Петька.

- Беги, Петенька, беги в группу. Доброе утро, good morning, my dear child. Там уже все в сборе, только вас не было. Опять мама проспала?

Нина, присев на корточки, поправила сыну воротничок, пригладила непокорный чубчик и поцеловала. Петька недовольно вытер щеку кулаком и побежал между клумбами к ярко-желтому зданию детского сада.

Заведующая проводила его умильным взглядом:

- Как он торопится к друзьям. Очень коммуникабельный у вас мальчик. Кстати, вас можно поздравить? Видела вашу фотографию на обложке. Чудесный снимок, поздравляю. И журнал почтенный. Очень интересный журнал. Столько всего полезного. Жаль только, что мы, скромные педагоги, не всегда можем себе его позволить.

Нина едва удержалась от улыбки. Действительно, откуда у скромного педагога деньги на толстый журнал? Едва-едва удалось наскрести на сережки с бриллиантами и три золотых колечка.

Она достала из пакета журнал и протянула его заведующей:

- А я как раз хотела вам подарить. Петя мне напомнил. Говорит, Эвелина Георгиевна, наверно, себе еще не купила, давай ей подарим.

- Ой, что вы, не стоило, - заведующая благосклонно улыбнулась, перелистывая глянцевые страницы. - Петя у вас умница. У него успехи в английском. Кстати, зачем я вышла. Мы собираем деньги на озеленение территории. По сто рублей.

"Сто рублей тому, сто - этой, - подумала Нина, послушно открывая сумочку. - Такса у них такая, что ли?"

- Ну что вы, - строго остановила ее Эвелина Георгиевна. - Не мне. Деньги сдадите своей воспитательнице. И не забудьте получить приходный ордер.

Величественно кивнув, заведующая удалилась. Нина глянула на часы, ахнула и чуть не бегом кинулась к своей машине. Чтобы попасть в модельное агентство к десяти, ей придется ехать гораздо быстрее, чем хотелось бы.

Сотрудники ГАИ, наверное, тоже справедливо полагали, что Нина едет слишком быстро. Кроме того, оказалось, что проскакивать на желтый свет и разворачиваться через сплошную линию - все это в денежном выражении равносильно встрече бабушки и озеленению территории. Пополнив казну автоинспекции еще одной сотней российских рублей, Нина наконец влетела во двор своего агентства.

У крыльца толпились девочки, кандидатки в звезды модельного бизнеса. Они разочарованно переговаривались, слушая администраторшу Пестрову, которая возвышалась над ними, стоя на крыльце, как Ельцин на танке.

- Повторяю, - вещала Пестрова, квадратная блондинка в красном брючном костюме. - Повторяю еще раз. Просмотр, назначенный на сегодня, переносится на следующую среду. Пожалуйста, не толпитесь у входа. Приходите через неделю. Повторяю, просмотр переносится на следующую среду.

Выйдя из машины, Нина с трудом пробиралась через толпу. Ее слух улавливал шепот за спиной: "Нина Силакова... видишь... это Нина Силакова..." Девочка лет шестнадцати, одетая скорее даже жалко, чем бедно, вдруг решительно схватила Нину за рукав.

- Пойдите! Я вас знаю. Вы - Нина Силакова, вы моя любимая модель! Не потому, что вы в моде, а потому, что вы... у вас не как у всех... у вас глаза человечьи! Послушайте! Мне надо. Очень. Мне очень надо. Возьмите меня туда! Вас послушают, меня примут...

В толпе раздались возмущенные голоса: "Глянь, умная какая!", "Деловая, фу ты, ну ты". Нина, не останавливаясь, оглянулась. Девчонка смотрела на нее с надеждой, но без малейшего заискивания.

- Только вы можете помочь мне. Я не могу ждать еще неделю.

- Ну что ты! - ответила Нина. - От меня ничего не зависит. Здесь ни от кого не зависит. Ты сама должна, сама, понимаешь?

- Но если бы вы... потому что я первый раз... я приехала... я неделю не могу ждать...

- Ладно. Дай мне портфолио. Я покажу.

- У меня нет... У меня было... а брат с друзьями напился...

- Как тебя зовут?

- Варя.

- Вот что, Варя. Позвони мне домой часа в два.

Порывшись в сумочке, Нина дала Варе свою визитку и скрылась за тяжелыми дверями агентства.

2

Администратор Ольга Пестрова пришла в модельный бизнес из торговли. Отстояв за прилавком ГУМа три года, она прекрасно изучила психологию широкого покупателя, его вкусы и потребности, и могла бы сама стать великим модельером, если бы умела шить, кроить или хотя бы рисовать. Но приобретенные знания и навыки Пестрова с успехом применяла на своем ответственном посту. Ей только пришлось сменить группу товаров.

Теперь она торговала не средствами бытовой химии, а манекенщицами. Правда, они предпочитали называть себя моделями, но суть дела от этого не менялась.

Свой бизнес Ольга Пестрова понимала так: если фирма хочет впарить свой товар, то ей нужна реклама. А лох-покупатель не заметит рекламы, если в ней не будет женских ног. Значит, за хорошие ноги фирмачи заплатят любые бабки, иначе их товар так и сгниет на складах. А задача администратора модельного агентства - предложить фирмачам эти ноги, глаза и попки в самом разнообразном ассортименте, в любое время и в любом количестве. То есть та же самая задача, что у любого продавца.

Да вот беда, в отличие от бессловесных освежителей воздуха и стиральных порошков, новая группа товаров нуждалась в постоянном присмотре и управлении.

Особенно такие, как эта Силакова.

Пестрова сурово глянула на Нину:

- Вы опаздываете почти на полчаса. Все вас ждут. Не надо думать, что вы прима. Вы такая же модель, как и все остальные.

- Я же просила вас предупредить меня немного заранее, а не за два часа, - возразила Силакова. - Вы позвонили сегодня в восемь.

- У меня таких, как вы, - пятьдесят человек, - с удовольствием срезала ее Пестрова. - Я не обязана создавать для вас тепличные условия. Не можете работать - найдите другое агентство.

- Если я и буду обсуждать это, то не с вами.

Пестрова фыркнула, глядя, как Нина с гордо поднятой головой проходит в общую комнату.

Там уже собрались почти все работницы агентства. И у каждой девушки в руках был листок с новым контрактом. Их для того и собрали сегодня в десять, чтобы ознакомить с этим важным документом.

Хозяйка агентства, которую все звали за глаза Маркизой, сидела в центре комнаты в кожаном кресле, дымя сигаретой.

- А вот и наша Силакова, - протянула она. - Весь коллектив в сборе. Проходи туда, садись, читай. У нас меняются условия. Новый контракт. Сейчас все прочитают, будем обсуждать. Вернее, обсуждать нечего. Согласна работаешь, не согласна - до свидания. Но может быть, у кого-то будут вопросы.

- Да и так все ясно... - прозвучал чей-то невеселый голосок.

- Люблю моих девочек! Вопросов нет? Красавицы! Контракты отдайте Пестровой. Я уезжаю в Прагу, буду через неделю.

"У матросов нет вопросов", - злорадно подумала Пестрова и направилась к своему кабинету.

В коридоре переминался, потирая ладони, жгучий брюнет в кожаном пиджаке.

- Вай, Оля, какие девочки, клянусь, честное слово, - возбужденно, но вполголоса проговорил он, заходя за Пестровой в кабинет.

Она села за свой стол, кивком пригласила кавказца сесть на стул у окна и деловито спросила:

- Ну как, определились?

- Все конфетки, всем пальчики оближешь.

- Всех не могу, - категорично заявила Пестрова.

Кавказец засмеялся и подвинул свой стул к столу. Он достал пачку сигарет, закурил и

бросил пачку на стол.

- Да нет, нет, нам всех сразу не надо, нам только двух надо, на первый раз хватит.

- Кого?

- Блондинка слева, и та, которая опоздала, которая у стены сидит.

- Блондинку - пожалуйста. А Нину Силакову не могу. У нее сегодня кастинг на рекламу "Сименс". Они специально Силакову просили.

- Кастинг? А мы что, не кастинг? Я тоже специально прошу. Ты не говори "нет". Ты постарайся, чтобы она к нам поехала. К восьми часам. А блондинку, ну, давай, например, через час, к девяти.

В продолжение этой фразы кавказец успел извлечь из пухлого бумажника несколько серо-зеленых купюр и положить их на стол.

- Ничего не гарантирую, - сухо ответила администратор Пестрова, отработанным движением сбрасывая купюры в ящик стола. - Девушки все решают сами. А Силакова вообще. У нее апломб. В общем, я ничего не знаю и ничего не обещала.

- Конечно! Хочешь, тоже приезжай. У "Каспий Инкорпорейтед" баксов-шмаксов на всех хватит.

Администратор Пестрова изобразила возмущение, то есть сдвинула выщипанные брови и откинулась в кресле. Кавказца несколько не смутила такая реакция, и, больше того, его черные глаза остановились на высоко поднятом бюсте администратора и сразу же сладко прищурились.

- Так мы ждем, Оля-джан, - облизнувшись, сказал кавказец, покидая кабинет.

Не успела за ним закрыться дверь, как к администратору ворвалась Катя Кривченко, ее старинная подруга и одна из ведущих моделей агентства.

- Оль, ну как, ты звонила на "Сименс"?

- Бесплезняк, Кет, полный бесплезняк, - ответила Пестрова, закуривая.

- Оля, ну я тебя прошу.. Деньги нужны дико! Я же им подхожу по фактуре... Если фрицы хотели Нинку, значит, я тоже подхожу. Мы же один стандарт. Но возьмут же Нинку! Оля, лапочка! Нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы она не ходила? Может быть, что-нибудь другое ей предложить? Деньги нужны, караул!

- Кет, что я могу? Во-первых, она про "Сименс" уже знает. Во-вторых, они специально ее хотят. Даже сегодня звонили, уточняли...

Катя села на стол, вытянула сигарету из пачки, оставленной кавказцем. Вид у нее был убитый.

- Тачку расхерачила чужую... Попала на такие бабки. Если еще и с фрицами пролечу...

Пестрова тоже взяла сигарету, но только для того, чтобы убрать пачку со стола в карман.

- Ты сама попробуй, поговори с ней, - предложила она. - Только наври что-нибудь, типа, мама болеет, или, еще лучше, ребенок как бы помирает. Я ее знаю, она с придурью, она тогда уступит. А я ей тут кое-что предложу покруче "Сименса".

Катя хитро улыбнулась и подмигнула:

- Пойду поработаю по системе Станиславского.

Пестрова не удержалась и вышла вместе с ней, чтобы посмотреть, как эта хитрюга будет обрабатывать простофилю Силакову.

Через дверную щель она видела, с каким скорбным выражением лица Катя приблизилась к Нине, которая как раз пыталась куда-то дозвониться по своему мобильнику.

- Ниночка... Вот... хотела тебя попросить... Выручи меня, Ниночка. Ты же меня всегда выручала!

- Что случилось, Катюша? - спросила Нина, пряча телефон.

- Мальчик у меня заболел...

- Что ты говоришь. А что такое?

- Никто ничего не понимает... Говорят, воспаление какое-то. Кровь у него очень плохая, моча... А где воспаление - не поймут.

- А все делали? Узи делали, эхографию?

- Какое там... даже не предлагали сделать.

- Кошмар какой... Подожди, сейчас я тебе дам телефон. У меня есть отличный детский врач. Прекрасный диагност! Он все быстро сделает.

"Дура Катька, - подумала Пестрова, следившая за этой сценой. - Не с того конца начала".

Нина рылась в сумочке, отыскивая записную книжку, потом долго искала в книжке телефон. Катя горестно вздохнула.

- Не вздыхай, - ободрила ее Нина. - Это лучший в Москве врач.

- Дорогой?

- Ну, не дешевый. Вот, записывай.

- Да нет, спасибо... что уж записывать. Денег ни копейки нет.

- Ну, на врача-то найдешь?

Катя заломила руки и отвернулась, словно порывалась уйти. Однако не ушла, а сказала с отчаянием в голосе:

- Я последнее время даже на кефир не каждый день нахожу. Вся в долгах... работы нет. На рекламу йогуртов рассчитывала, не взяли... На рекламу "тойоты" - тоже тебя взяли... Вообще, суши весла. Сегодня вот у "Сименс" кастинг, а я опять не пойду.

- Почему?

- А, бесполезняк. Только на проезд тратить. Лучше мальчику молока куплю. Мне там менеджер прямым текстом сказал: "Ты, Кривченко, у нас номер второй. После Силаковой". А там, конечно, гонорар приличный... Я бы мальчика обследовала.

Нина спрянула записную книжку обратно в сумочку и, подумав, предложила:

- Ну, хорошо, давай я не пойду. А ты уверена, что тогда тебя возьмут?

- Возьмут! Да я всем другим горло перерву! Да мне менеджер прямым текстом сказал: "Ты, Кривченко, у нас - номер два, после Силаковой!" Ниночка! Дай я тебя поцелую!

- Не нужно, Катя, это лишнее. Телефон врача запишешь?

- Потом! После!

"Развела ее Катька, ну актриса!" - восхитилась Пестрова и поспешила к себе в кабинет, увидев, что Силакова направляется к выходу из общей комнаты.

Она едва успела плюхнуться в свое кресло и разложить перед собой какие-то бумаги, как в кабинет вошла Нина.

- Оля, я хотела вас предупредить...

- Минуту... Не отвлекайте, вы же видите.

Пробежав невидящим взглядом несколько строчек, Пестрова отложила бумагу и подняла голову.

- Слушаю вас.

- Я хотела предупредить, что я не буду сегодня на кастинге "Сименс".

- Это еще почему? - администратор Пестрова была удивлена до глубины души.

- Ну, я не смогу туда пойти.

- Это я поняла. Я спрашиваю, Нина, почему? Они специально заявляли вас.

- Я поэтому и предупреждаю... У моей подруги заболел мальчик, и я...

- Ну и что? Какой мальчик? При чем здесь мальчик? У Кати Кривченко, например, бультерьера зовут Мальчик. При чем здесь кастинг? Как с вами работать, Нина, сами подумайте? Как вас в другой раз заявлять на солидные кастинги? Вы подрываете авторитет агентства!

- Ну не сердитесь. Есть же девушки и кроме меня. Просто я уже обещала... Но может быть, у вас найдется что-нибудь другое? Я готова работать, я хочу. Просто в "Сименс" я уже не могу пойти... а в любое другое место, куда скажете...

С крайне недовольным видом Пестрова принялась перелистывать свой ежедневник.

- Любое другое место, говорите? Так-так. Это уже занято, это не ваш типаж... Вот. Фирма "Каспий Инкорпорейтед" начинает рекламную кампанию. Кастинг сегодня в двадцать ноль-ноль. Надо пойти.

- А что это за фирма?

- Откуда же мне знать? Постельное белье, то се. Конечно, все хотят на фирму с мировым именем. А когда неизвестная, когда надо достойно представить агентство...

- Хорошо, я пойду.

Пестрова записала адрес на листке бумаги и передвинула его по столу к Нине.

- Двадцать ноль-ноль. Не опаздывайте.

Нина глянула на листок, и ее брови удивленно поднялись:

- А что это за адрес? Гостиница?

- Не знаю. Сейчас, по-моему, многие фирмы в гостиницах арендуют. Вам-то какая разница, Силакова? Работа есть работа. В гостинице или в заводском цеху, наше мнение заказчика не интересует.

3

Выходя из агентства, Нина подумала, что не надо было поддаваться на уговоры Кривченко. Что-то там было нечистое, во всех этих стонах по поводу здоровья ее ребенка. Какая же ты мать, если лечение малыша зависит только от одного удачного кастинга. В конце концов, в таких случаях можно и в долги залезть. Нет, что-то Катя темнит. Но Нина быстро прогнала эти мысли, потому что надо было подумать о более приятных вещах. Она набрала номер агентства по недвижимости.

- Алло, Дмитрий? Это Нина Силакова. Я буду у вас не позже двух. Подготовьте все документы по дому, чтобы не ждать. Я от вас сразу туда.

- А, собственно, уже все готово. Мы договор оформили на вашего мужа, ничего?

- Конечно, ничего. Какая разница!

- Приезжайте, мы ждем. Только деньги надо за три месяца вперед.

- Да, хорошо, я заплачу, сколько вы скажете.

Уже положив трубку, Нина сообразила, что сегодня ей никак не удастся переехать, если Саша не вернется к двум часам. Потому что одна, без него, она просто не справится с перевозкой вещей.

Направляясь домой, она названивала Саше под каждым красным светофором, но абонент был по-прежнему недоступен.

Дома Нина принялась укладывать вещи. В загородном доме, согласно условиям

договора, была вся необходимая мебель, посуда и утварь. Но откуда этим риэлтерам известно, какая именно посуда необходима Нине?

Навряд ли они припасли для нее чугунный казанок, в котором Нина любила готовить плов. И ножей двенадцати видов в загородном доме тоже наверняка не имеется. Не говоря уже о глубокой сковороде, которую Нина привезла из Таиланда и в которой так здорово получаются любимые Сашины креветки, обжаренные с овощами... Нет, все это придется брать с собой отсюда.

Так постепенно и набралось багажа на два чемодана, сумку и коробку. Нина устало опустилась в кресло. Конечно, все это поместится в ее "вольво". Но как она одна будет таскать этот груз? Ну где же ты, Саша?

Она включила телевизор, чтобы не заводить себя еще больше. Сейчас она всерьез злилась на мужа: раскатывает неизвестно где, а ты тут с тяжестью надрываешься. "Сообщение из Санкт-Петербурга", - прозвучал тревожный голос диктора, и Нина невольно обернулась к экрану.

"Сегодня в девять часов по местному времени на пороге своего дома был застрелен глава думской фракции Василий Дерюгин. Как сообщил представитель правоохранительных органов, убийца нанес депутату три ранения в область груди и в голову, каждое из которых было смертельным..."

- Вот что творится там, в криминальной столице, - возмущенно проговорила Нина и снова взялась за телефонную трубку.

Ей пришлось пересилить себя, чтобы набрать номер Егора. Но больше никого с Сашиной работы Нина не знала.

- Привет, Егор. Это Нина. Егор, что-то Сашин телефон не отвечает. Ты не знаешь почему?

- Нинок, здорово! Ну, типа, он в метро едет. Или там роуминг не включается. Всяко бывает.

- Когда он вернется?

- Ну я-то откуда знаю? Как дела все сделают, так и вернутся пацаны.

- А почему он так тайно уехал? Не предупредил, не попрощался. Что это за дела такие?

- Нинок, ну ладно, все нормально... Срочный выезд... Клиентура у нас тут... По лому цветных металлов. Шведы приехали, надо крупную партию им пихнуть. Санек поехал, как самый продвинутый...

- Он же вроде бы недвижимостью занимался?

- Да? Ну, я не знаю. Это когда было. У нас тут все: и цветные металлы, и черно-белые... Время, Нинок, такое - всем приходится заниматься. Слушай, я сейчас на Кутузовском, тут движение... тебе что-то срочно надо?

- Там депутата убили, ты знаешь?

- Ну, а мы-то здесь при чем? Сейчас каждый день кого-то убивают. Не переживай, все нормально. Нинок, я тебе из офиса позвоню, когда доеду. Пока.

Во время разговора Нина продолжала смотреть на экран телевизора, где все еще сообщались новые подробности гибели депутата.

"...По некоторым сведениям, убитый сегодня около девяти утра глава правой думской фракции Василий Дерюгин был связан с крупной преступной группировкой..."

Следствие полагает, что одним из мотивов преступления...

Объявленный по городу план "Перехват" пока результатов не дал...

Все говорит о том, что это заказное убийство, и совершил его профессионал..."

Нина выключила телевизор и услышала, что кто-то позвонил в дверь. Позвонил коротко, робко, слегка коснувшись кнопки звонка. Нина открыла дверь и увидела на пороге незнакомую девушку.

- Здравствуйте. Я - Варя. Вы мне утром визитку дали. А я вам звонила, а у вас все время автоответчик... А потом занято, занято. Я и от метро звонила, занято. Приехала...

"Только тебя мне и не хватало", - с досадой подумала Нина. Ее всегда раздражали девицы, появившиеся в их агентстве по протекции. Как правило, это были чьи-то малолетние любовницы, и обещание пристроить в модели было одной из форм оплаты. Дурочки и не подозревали, что стать моделью может любая, а вот оставаться ей - это дано не каждой.

- Вижу, что приехала. А зачем? - спросила Нина, возможно, чуть резче, чем хотела.

- Я не вовремя, да? Извините. Ну, тогда... Я пошла?

Она, опустив голову, повернулась к лифту.

- Куда ты сейчас? - спросила Нина неожиданно для себя.

- Не знаю. Погуляю вокруг вокзала.

- Почему вокруг вокзала?

- Ну, я там ночую, на Казанском.

Нина открыла дверь шире и отступила внутрь квартиры:

- Заходи, Варя-Варвара.

Глядя на эту девочку, Нина вспомнила, как сама стала моделью. Ей никто не помогал, никто не приводил за руку, никто за нее не просил. Наоборот, это ее просили.

Еще когда она жила в Сходне, ожидая своего пропавшего Сашу, однажды прямо на улице к ней подбежали двое ребят в джинсовых костюмах. Один был с видеокамерой, другой - с микрофоном. "Я - Иван Бобровский, звезда тележурналистики, - скромно представился паренек с микрофоном. - А вы, девушка, звезда рекламы. Вы оказались в нужном месте в нужное время. И сейчас вас увидит вся страна". Нина чуть не убежала тогда от них, но Иван все же уговорил ее сняться в небольшом сюжете. От нее требовалось выйти из только что открывшегося магазина, со счастливым лицом прижимая к себе бумажный мешок с покупками. Сразу после нее ребята сняли еще нескольких девушек. Но только Нина получила от них приглашение на новые съемки. Там, в студийном павильоне, ее увидел Исаак Крымский, хозяин сети модельных агентств. Он сам подошел к Нине, и сам долго убеждал ее в том, что она прирожденная модель. Нина поверила ему. Впрочем, она всегда всем верила. Но на этот раз ей не пришлось раскаиваться в излишней доверчивости. Крымский отдал ее в руки настоящих профессионалов, двух французов, и они целый месяц занимались с ней с утра до ночи. От них она узнала, как надо питаться, как мыть волосы, как улыбаться и как смотреть в камеру. Они открыли ей тысячи разных секретов, и она схватывала все на лету. Больше всего она поначалу боялась, что за все эти уроки придется расплачиваться собой, и Нина уже придумала несколько способов избежать этого. Но все опасения оказались напрасными, потому что ее наставники не интересовались женщинами.

А вот Ванька Бобровский очень даже интересовался, и потом еще долго подкатывался к Нине, пока не увидел рядом с ней Сашу. С тех пор их отношения сохранились на уровне целомудренного приятельства.

"Кстати, надо бы ему позвонить, - подумала Нина. - Мужик он или кто? Неужто не согласится поднести пару чемоданов старой приятельнице?"

- Ну что, Варя, в чем проблема? Тебе нужны фотографии, так?

Варя кивнула, растерянно оглядывая прихожую. "А в ней что-то есть, подумала Нина, набирая номер своего знакомого фотографа. - Лицо свежее. Глаза темные, а волосы светлые. Может получится очень яркая картинка".

- Макс, привет, это Силакова. Макс, зайка, я к тебе одну девочку отправлю, отщелкай ее, пожалуйста. На портфолио. Сколько, двести? Сейчас уточню.

Прикрыв трубку ладонью, она спросила у Вари:

- У тебя деньги есть?

- Конечно... вот. Сколько надо?

- Двести долларов.

Варя в ужасе приложила пальцы к губам, а потом понурилась и повернулась к выходу, пытаясь справиться с замком.

- Да постой ты! - Нина вздохнула. - Горе ты луковое. Слушай, Макс, ты с нее не бери, мы с тобой потом разочтемся. Нормально? Зовут ее Варя. Спасибо, зайка.

Нина положила трубку и подтолкнула Варю в комнату:

- Чего ты там топчешься, проходи.

Варя растерянно оглядела голые стены и пустой распахнутый шкаф.

- Ой... а я думала, у моделей богато...

Нина усмехнулась.

- Ты хочешь стать моделью, чтобы быть богатой?

- Ну а что? Это не помешает. А моделью я хочу, потому что я могу быть только моделью, и больше никем.

- Как же ты, Варя, приехала в модели поступать, в Москву, а ни портфолио, ни денег с собой не взяла?

- Почему вы так говорите? У меня есть деньги. Вот, триста рублей. Это большие деньги. Мне их вся деревня собирала, все девчонки. А портфолио мне брательник сжег. Он хочет, чтобы я в Николаевке осталась, чтобы за Мишку пошла... Они как выпьют, Мишка ко мне лезет... я брательнику говорю: "Дай ему в морду, что он лезет!", а брательник молчит... он Мишке должен.

- Так что же он, тобой решил рассчитаться?

- На то похоже...

- Поэтому ты уехала.

- Нет, не поэтому. Потому что... но вы же сами знаете, как это бывает, когда понимаешь про себя, кто ты и кем ты будешь! Я буду моделью! И я готовилась!

Варя подбежала к приемнику.

- Можно?

Она включила радио, нашла какую-то музыку и, послушав ее несколько секунд, начала танцевать. Поначалу Варя двигала только руками, потом включились плечи, несколько движений на месте - и вот она закружилась по комнате.

Если бы ее сейчас увидел профессионал вроде Крымского, он бы сразу отметил не только пластику и стройную фигурку. Каждое движение Вари было женственным, но не вызывающим. В ней было достоинство, но ни капли высокомерия. Она была, безусловно, очень красива, и в то же время - такая же, как все. "Далеко пойдет, - подумала Нина. - Если не сломается по дороге".

Песня закончилась, и зазвучал голос диктора: "Тринадцать часов в столице. Новости.

Циничным и хладнокровным назвали сегодняшнее убийство Василия Дерюгина..." Нина резко выключила приемник.

- Молодец, хорошо двигаешься.

- Мне бы теперь к вашей главной попасть... Помогите, а? А то я неделю ждать не могу. Я с ментом на вокзале договорилась, чтобы он меня не гонял, денег дала. Он сутки побыл и сменился. А другой пришел, вообще не разговаривает. Ложись, и все. А не дашь, говорит, я на тебя оперативку составлю, тебя на любом углу задержат. Вообще все отделение пропустишь. Я ушла от греха... Что они ко мне лезут!

- Привыкай... К таким, как ты, всегда будут лезть.

- И что делать?

- Привыкнешь. Надо просто помнить о том, кто ты такая. Знать себе цену. Это ты выбираешь себе мужика, а не он тебя. Понимаешь? Вот заведешь себе надежного друга, тогда и приставать будут меньше.

- А без друга - никак? Я продаваться не собираюсь.

Нина прошла в кухню, включила электрочайник.

- Садись, Варя-Варвара, чайку попьем. Даже не знаю, стоит ли рассказывать о том, что тебя ждет. Не собираешься продаваться? Это хорошо. А ты знаешь, сколько стоит один показ? Сколько ты заработаешь за вечер на подиуме? Тридцать долларов.

- Ух ты! - Варя оживилась. - За один только вечер!

- И таких вечеров у тебя будет... Знаешь сколько? Два-три в месяц. А тебе на эти деньги надо не только прожить. Но еще и в солярий попасть, и в бассейн, и на массаж, и в спортзал, и все остальное.

- Ничего, я девочка экономная, - весело ответила Варя.

4

Журналист Бобровский сам собирался позвонить Нине. Собирался с самого утра. Но не успел. Едва добравшись до телестудии, он сразу же был вызван на ковер к шефу.

Не нужно было прибегать к услугам астролога, чтобы предсказать, о чем пойдет речь. Иван знал, что шеф недоволен его работой. В глубине души он признавал, что у шефа были для этого причины. Криминальная хроника, которой заведовал Бобровский, в последнее время стала самым слабым звеном во всем пакете программ. Чтобы делать действительно громкие репортажи о преступлениях, нужно обладать связями в милиции. Те менты, с которыми контактировал Бобровский в начале своей карьеры, за последнее время перестали снабжать его информацией. Одни пошли на повышение и стали недоступны. Другие, их было большинство, спились и уволились, подавшись на коммерческие хлеба. А установить новые связи в угрозыске или РУБОПе сегодня было гораздо сложнее, чем в прежние времена. Раньше менты по-детски радовались тому, что их показывают по телевизору. В них еще жило чисто совковое преклонение перед журналистами, которые казались посланцами иных миров, и чей голос мог дойти до самых верхних этажей власти. Новое поколение смотрело на жизнь практичнее. Новое поколение понимало, что информация - это товар. Его можно либо продать за деньги, либо обменять на другой товар, равноценный.

Но у Ивана Бобровского не было возможности платить своим информаторам, потому что его передача имела низкий рейтинг и не приносила много денег. А рейтинг был низкий, оттого что он не мог платить своим информаторам.

Из этого замкнутого круга можно было вырваться, если бы Иван снабжал своих друзей в погонах какими-то полезными для них сведениями. Но, замкнувшись в своем телевизионном

мирке, Бобровский не мог вырваться в свет, в большую тусовку, где его уловом могли бы стать авторитетные слухи и сенсационные сплетни. Его не пускали наверх, потому что у его передачи был низкий рейтинг. А рейтинг был низкий потому, что Бобровский не бывал наверху.

Не далее как вчера Иван увидел репортаж с очередного показа мод. Он не сразу узнал в царственной красавице, улыбающейся с подиума, свою старую знакомую Нину Силакову. Но, узнав, тут же подумал, что Нина может помочь ему. Например, через нее он мог бы попасть на какую-нибудь презентацию. Почему бы и нет? На этот раз он побежит туда не только ради бесплатной выпивки и жратвы. Нет, теперь-то он постарается, он в лепешку разобьется, он пустит в ход все свое обаяние и обязательно познакомится с нужными людьми.

Но до презентации было еще далеко, а шеф - вот он, рядом, по ту сторону дубовой двери.

И теперь Иван стоял на пороге кабинета, прекрасно зная все, что скажет ему шеф. "Это будет бессмысленный разговор. Но пока с тобой говорят, а не бьют сразу в морду - значит, еще не все потеряно", - утешил себя Иван и, подмигнув секретарше, вошел в кабинет.

Босс - огромный, толстый, шумный, курил сигару и ходил по кабинету из угла в угол, как рассерженный лев по клетке.

- Здравствуйте, о всемогущий повелитель телеэфира, - Бобровский смиренно сложил ладони у подбородка.

Но его шутливое приветствие не смягчило начальственного гнева. Наоборот. Рассерженный лев чуть не подавился своей сигарой. Босс откашлялся и спросил:

- Вазелин принес?

- Я его всегда беру на встречу с вами. На всякий случай.

- Ну и как, Бобровский, ты что предлагаешь - сначала тебя употребить, а потом выгнать или сразу выгнать?

- Других вариантов нет?

- А откуда им взяться?

Босс решительно направился к своему креслу и опустился в него с видом человека, принявшего эпохальное решение.

- Так вот, Бобровский. Есть новость, которая тебя заинтересует. Мы закрываем твою передачу. Все. Всем надоели твои мелкие уголовники и всякая шантрапа. Ты один просрал три последних громких скандала. С прокуратурой, с Верховным судом и с Министерством обороны! Они прошли по всем каналам!

Иван кивнул, сохраняя спокойное выражение лица. Хотя ему и хотелось заорать в ответ, но он проговорил веско и сдержанно.

- Да, все каналы там потоптались. А информации - ноль. Одни сопли и вопли. Поэтому я и не делал...

- Чушь! Ты не делал, потому что у тебя нет концов. Все твои хваленые ментовские связи - не круче вшивого мусорка с земли, в звании капитана.

- Мои капитаны уже носят генеральские лампасы. Ничего не поделать, в команде информаторов идет смена поколений.

- Пока идет смена поколений, ты вместе с командой можешь вылететь из высшей лиги! Да ты уже вылетел! Мы опять в жопе, и все из-за тебя. Где передача? Где настоящая передача с настоящим криминалом? Мы тебе платим не за карманников и лохотронщиков!

Сегодня убили Дерюгина! Много ты об этом знаешь?

- Чуть меньше, чем убийца.

- Блефуешь, Бобровский. Откуда ты можешь что-то знать?

- Еще не время раскрывать свои карты.

- Так поделись с людьми! Выдай материал! Сделай передачу, чтоб не стыдно было пустить в эфир!

- Дайте мне неделю.

Босс прищурился, разглядывая Ивана. Наверно, на него все-таки подействовал спокойный и уверенный тон журналиста. И он вынес вердикт:

- Два дня. Сделаешь Дерюгина - пойдешь в гору. Обещаю. Не сделаешь пойдешь в жопу.

Свободен.

- Слушаю и повинуюсь, - Иван снова сложил ладони и поклонился.

Он вышел в приемную, закрыл за собой дверь и несколько секунд стоял, медленно втягивая воздух и шумно его выдыхая.

- Что, йогой занимаешься? - не без ехидства спросила секретарша.

- Устраняю пробой в ауре, - интимно понизив голос, ответил Бобровский и присел на край ее стола. - Но это не йога. Это Тантра. Искусство магического секса.

- Так вот чем ты с шефом занимался, - протянула секретарша. - Кстати, тебе тут девушка звонила. Я просила перезвонить через десять минут. Не думала, что вы так быстро кончите.

- Я кончаю строго по расписанию, как "Восточный Экспресс", промурлыкал Бобровский, откровенно заглядывая в вырез ее кофточки.

- Ой, кто бы говорил.

Зазвонил телефон, и секретарша, подняв трубку, глянула на Ивана.

- Не знаю, освободился ли он. Сейчас посмотрю...

Бобровский прошептал ей в ухо: "Узнай, кто спрашивает".

- Что-то не видно его поблизости... Вы не могли бы представиться? Силакова?

Иван спрыгнул со стола и закивал головой, показывая пальцем на параллельный аппарат.

- Слушаю, Бобровский.

- Ванька, привет! Я наконец-то сняла дом! Тот самый, в Архангельском.

- А-а... поздравляю, - озабоченно ответил он.

- Ты что такой унылый? Что у тебя случилось?

Иван устроился в кресле поудобнее, закурил и заговорил еще более печально:

- Да так... ничего. Думаю вот, подождать, пока уволят, или самому написать, "по собственному"?

- Вот те раз! У тебя же так хорошо все шло.

- Ну, старуха, знаешь... Шло, шло, а потом как встало! Интриги. Им же все время рейтинг поднимать надо. Погоня за дешевой сенсацией.

- Подожди, Вань! Ты знаешь, ты приезжай. Все расскажешь. И заодно поможешь. Мне как раз нужна твоя помощь. Твоя грубая физическая сила.

- А что такое? - удивился Бобровский.

- Ванька, так я же сегодня переезжаю в этот дом! А ты бы мне помог сумки снести. Ванечка, помоги, а? В Архангельское съездим. Наш новый дом посмотришь. А по дороге расскажешь все. Может, что-нибудь придумаем.

- Да? А Саши что, нету?

- Нет, он в Питере.

- Что ты говоришь? В Питере?

- Да.

"Все уже в Питере, а я тут торчу!" - подумал Бобровский. Его охватила досада при мысли о том, что вместо работы над блистательным репортажем с места происшествия он сидит тут в Москве, смотрит на соблазнительные коленки секретарши - о, да она не в колготках, а в чулках! - и нанимается в грузчики к деревенской красотке, жене криминального авторитета... Стоп!

То, что Нина Силакова была женой криминального авторитета - это была мимолетная фантазия. Бобровский знал, что Саша работает в каком-то фонде ветеранов. Да все эти фонды часто оказывались замешанными в какую-нибудь темную историю. Но почему-то Ивану никогда и в голову не приходило, что Нина и Саша, его старинные приятели, могут быть связаны с криминалом... "Саша. Вот кто может быть моим новым информатором, - подумал Иван. - К нему подкатимся через супругу. Самый надежный подход. Так-так, уже теплее".

- А когда Саша вернется, Нина?

- Не знаю... А что? Почему ты все это спрашиваешь?

- А он не будет ревновать? Все-таки таскать сумки - это как бы супружеские обязанности.

- Дурак. Ты едешь или нет?

- Я не еду, я лечу!

Он действительно добрался до Марьино как на крыльях. Таксист попался толковый, обошел все пробки, словно Марадона. Иван даже почти не торговался с ним, и заплатил всего на десятку меньше, чем требовал извозчик.

Он взлетел на площадку, позвонил и увидел за открытой дверью Нину и еще какую-то красотку-малолетку.

- Грузчика из Быстроупака вызывали? Чай пить не будем, там попьем. Это кто, что за дитя природы? Здорово, дитя. Я прогрессивный журналист Бобровский, а ты кто?

Девчушка залилась краской, и Нина осадила Ивана:

- Это Варя, но ты к ней не приставай. Побереги свои силы вот для этих чемоданчиков.

Она отвела волосы со лба, оглядывая квартиру.

- Так, ладно. Дайте мне собраться с мыслями... Это я взяла, зубные щетки взяла, жидкость для посуды взяла... вроде бы все взяла. Теперь с тобой разберемся. - Она повернулась к Варе, подвела ее к столу и что-то черкнула на странице календаря. - Это - мой мобильный. Это - телефон Макса, фотографа. Сейчас поедешь к нему, он тебя отснимет. Вот ключи. До поступления поживешь у меня. Нечего ментов баловать, у них и так морды кирпича просят.

Бобровский, уже стоя на пороге с двумя чемоданами, оглянулся:

- Что это, старуха, ты такие серьезные заявления делаешь?

- Ты знаешь, теперь на вокзале, оказывается, переночевать нельзя, чтобы под мента не лечь.

- Почему? Я - могу. А кто не может?

- Вот она.

- А почему она ночует на вокзале? Дитя! В чем дело?

- Я приехала поступать в модели. А мне говорят....

- Так, понятно, - кивнул Иван. - Нина, ты решила поселить это дитя у себя?

- Да. Мы все равно переезжаем.

- Ну хорошо. Не запирайся, дитя, я еще вернусь. Нин, ты машину-то открой.

Нина все не могла закончить инструктаж:

- Замок простой. В холодильнике можно брать все. В квартире не курить. Вечером позвони мне на мобильный. Все, Варя-Варвара. Выше нос. Все у тебя получится. Пока!

Иван спустился вместе с Ниной, погрузил чемоданы в багажник и сказал:

- Заводи свой агрегат, пока я сбегая за коробкой.

Вернувшись наверх, он увидел, что Варя уже подтащила тяжелую коробку к самому порогу.

- Вот что, дитя курятника. Не надрывайся, а то искривление ног заработаешь, - сказал он. - А паспорт у тебя есть? Ну-ка, предъяви.

- А что, не похоже? Мне шестнадцать уже давно исполнилось. А почему дитя курятника?

- Потому что курочка ты нетоптаная, вот почему. - Иван перелистал паспорт и опустил его в карман своей куртки. - Пусть пока у меня побудет. На всякий случай. Я к тебе заеду. Не прощаемся, цыпочка.

Погрузив коробку на заднее сиденье, он уселся рядом с Ниной. Машина дернулась, трогаясь с места, и Бобровский не удержался от замечания:

- Кто тебя учил ездить? Не бросай сцепление. Поворотник включи.

- Не нравится, иди пешком, - отрезала Нина, дерзко вырulingивая в левый ряд и не обращая внимания на возмущенный гудок притормозившего "Москвича".

Иван прикусил язык. Каждый водитель считает себя асом. А женщина за рулем - не просто ас, а королева автострады. Спорить с Ниной не стоило, особенно сейчас. Но все же, как только они выбрались на кольцевую, Иван сказал:

- Скажи мне, пожалуйста, Ниночка, ты окончательно рехнулась или как? Что эта за девица?

- Я бы все-таки назвала ее девочкой. Приехала из какой-то Николаевки поступать в модели.

- Из Николаевки Волгоградской области. Это я понял по ее паспорту. Это все, что тебе о ней известно?

- Ну, в общем-то, да. У нас Маркиза умотала на неделю в Прагу, и все просмотры перенеслись. Девчонке жить негде.

- И ты решила поселить ее у себя. Чтобы она там обдолбилась наркотой, сожгла квартиру или в лучшем случае все бы оттуда вынесла.

- Да что она оттуда вынесет? Шкаф? Старый холодильник? Брось, Ванька, ерунду говорить. Разве ты не видишь, что это - нормальная девочка!

- Не вижу. Я вижу, что она проныра и уже научилась ловко устраиваться.

- А я вижу, что она несчастная, бедная деревенская девочка. И я хочу ей помочь.

- Таких девочек - пол-Москвы. Всех у себя селить будешь?

- Ко мне за помощью обратились не все, а только она. Ты, может быть, забыл, я тоже из деревни.

- Ладно, старуха, не заводись, - Бобровский понял, что зашел слишком далеко. - В конце концов, Москва - та же самая деревня, только с асфальтом.

Он замолчал, обдумывая, как бы перейти к разговору о своих грандиозных планах по

повышению рейтинга. По радио начался очередной выпуск новостей, и опять его открывала информация о заказном убийстве депутата Дерюгина.

- Саша-то когда приедет? - спросил Иван.

- Не знаю.

- А что за дела у него в Питере?

- Ой, Вань, спроси что-нибудь полегче. Он туда по два раза в неделю последнее время мотается. Какие-то шведы, какие-то металлы... Уехал ночью, не предупредил... я спала. Проснулась, его нет. Надоел мне этот его бизнес хуже горькой редьки. Не желаю о нем даже говорить.

- Да ты хоть знаешь, что за бизнес?

- Ну так, в общих чертах. Цветные металлы, недвижимость, лес. Все, что приносит деньги.

- Деньги много что приносит, - задумчиво произнес Иван, все больше склоняясь к мысли, что он попал на золотую жилу.

"Нет, Ниночка, плохо ты знаешь своего мужа, - думал Бобровский. - И поговорить о его бизнесе очень даже интересно. И мы обязательно с ним поговорим".

5

Еще не доехав до своего коттеджа, Нина почувствовала, что у нее голова кружится от счастья. А когда машина остановилась перед резным крыльцом, взрыв ликования просто вытолкнул Нину наружу, и она колесом прошла по газону.

- Ванька! Я об этом мечтала всю жизнь! Воздух! Тишина! Деревья! А там - речка!

- Ты же деревенская. Корову заведешь?

- Нельзя... большая ответственность. Не уехать. А я бы завела. Ух, как люблю это дело!

- Я городской мальчик, - проговорил Бобровский, иронично улыбаясь и разводя руками.

- В деревне у меня начинается кислородное отравление. Моему организму нужен смог. Нужна асфальтовая пыль, нужна толпа. Пойдем, что ли, вещи в дом отнесем?

Чья-то заботливая рука приготовила дом к приезду новых хозяев. Возле камина даже были сложены березовые чурочки. В кухонных шкафчиках стояла новая посуда, все сверкало чистотой.

Нина взбежала по лестнице, схватив Ивана за руку, как маленького, и повела его по всем комнатам, распахивая двери:

- А это - детская. Вот Петьке-то раздолье! А тут что? О, это спальня!

Она со смехом упала на широкую постель, раскинув руки. А Бобровский передразнил:

- А это спальня. Вот Саше-то раздолье!

Они спустились в кухню, и Нина включила электроплиту, потом спустила воду из кранов. Все работало как часы. Она вскипятила воду и заварила кофе.

Иван все ходил по кухне и заглядывал во все уголки. Наконец, он уселся на табурет и произнес ревниво:

- Я вижу, здесь есть абсолютно все, даже бумага в сортире.

- Ты и там успел побывать? Видел, какое окно в ванной?

- Да, это класс. Признаюсь тебе, я всегда мечтал о ванной с окном.

- Будешь приезжать к нам мыться по субботам.

- Сколько же стоит аренда этого дома?

- Ой, Ванечка, боюсь даже сказать. Бешеные деньги.

- Не понимаю. Какой смысл тратить бешеные деньги на аренду? Вы же хорошо

зарабатываете, и ты, и Саша. Почему вы не купите себе нормальный дом?

- Саша не хочет ничего здесь покупать. Он даже деньги держит не здесь, а в каких-то западных банках. Говорит, что скоро уйдет из бизнеса, и тогда мы уедем. Не знаю куда. В Грецию, в Испанию...

- Ты в это веришь?

Задумчиво помешивая кофе, Нина отвела взгляд. Ей не хотелось говорить на эту тему. Она боялась даже подумать о том, как сможет жить за границей, среди чужих людей, где даже вывески на непонятном языке. И что она там будет делать? Ну да, Петьке там будет лучше. Правда, его самого об этом никто пока не спрашивал.

- Не знаю, Ваня. Я не хочу уезжать отсюда. Но последнее время Саша говорит об этом все чаще и чаще. Многие так поступают, ты же знаешь.

- Я сильно сомневаюсь, что он когда-нибудь сможет бросить свой бизнес, - покачал головой Бобровский. - В любом случае этот бизнес не бросит его.

- Почему?

- Потому что есть такие организации, куда вступают пожизненно.

- Мне не нравятся твои намеки, - сказала Нина. - Мой муж не может связаться ни с чем противозаконным. Он сам служил в милиции, ты забыл?

- Ну, положим, не в милиции, а во внутренних войсках, - возразил Бобровский. - И не на посту стоял, а спортом занимался. Это немного разные вещи. Кстати, из таких вот спортсменов и вышла вся наша родная мафия. Все рэкетеры - бывшие борцы и боксеры. А киллеры - стрелки да биатлонисты. Так что твой аргумент, извини, не проходит.

Нина встала и принялась мыть чашки. Ей не хотелось продолжать этот разговор. Но слова Ивана разворошили все то, что она тщательно скрывала от самой себя. Она пыталась успокоиться, привычными движениями наводя порядок. Но ее вдруг захлестнула обида за мужа. И она снова повернулась к Бобровскому:

- Саша честный и чистый человек. Я знаю это лучше других. И ты не смеешь ни на что намекать! Неужели ты думаешь, что я не вижу, не понимаю? Неужели ты думаешь, что я могу полюбить преступника, убийцу, родить от него и любить его все эти годы и не разобраться в нем?

- Любовь зла...

Нина выронила блюдце, и оно с громким звоном взорвалось на полу.

- К счастью! - бодро сказал Бобровский.

Но Нина, молча собирая осколки, не поддержала его энтузиазма.

На обратном пути Иван травил анекдоты и всячески пытался отвлечь Нину, но она не поддавалась и распрощалась с ним сухо и отчужденно.

Вся радость ее померкла. И даже загородный дом, о котором она так долго мечтала, уже не казался ей таким чудесным. Этот Бобровский не стал бы затевать разговор просто так. Он что-то знает. Что-то такое, чего не знает Нина. И что Саша скрывает от нее.

6

Вообще говоря, кастингом называется распределение ролей. Но в модельном агентстве "Маркиза" это американское словечко обычно употреблялось вместо простого русского слова "просмотр".

Получив задание отправиться на кастинг в фирму "Каспий", Нина почти не сомневалась, что кастинг пройдет успешно, и для рекламы выберут именно ее, сколько бы конкуренток ни просматривалось вместе с ней. Однако, поднявшись на второй этаж

гостиницы и остановившись перед номером, указанном в записке Пестровой, Нина была удивлена тем, что никаких конкуренток тут и близко не было.

На двери гостиничного номера была скотчем приклеена страничка из блокнота. Красным фломастером выведены четыре слова. "ФИРМА КАСПИЙ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ".

"Этой фирме неплохо бы подыскать другого дизайнера", - подумала Нина, постучав в дверь.

- Открыто, давно открыто! - прозвучал голос с сильным кавказским акцентом.

Обстановка для кастинга была не совсем обычная. Посреди холла Нина увидела стол, богато заставленный напитками и фруктами. В кресле неподвижно сидел огромный, жирный, очень важный мужчина восточного типа, с багровым лицом и сросшимися бровями. Он опирался на роскошную трость, словно персидский шах на свой посох.

- Здравствуйте, я из агентства, - сказала Нина, удивленно оглядываясь. - Простите, а где будут пробы для фирмы "Каспий"?

Персидский шах облизнулся и шумно выдохнул. Из соседней комнаты выскочил жгучий брюнет в кожаном пиджаке.

- Здравствуй, дорогая, проходи, садись, - заговорил он, широко улыбаясь. - Здесь будут и пробы, и все, что хочешь. Тебя как зовут?

- Нина Силакова.

Вслед за кожаным пиджаком из соседней комнаты выглянул бритоголовый абрек.

- Ниночка, я Артур. Этого солидного дядю зовут Ахмед, а этого красавца - Руслан.

Персидский шах запыхтел и еще раз облизнулся, не сводя с Нины глаз. Абрек Руслан так же бесцеремонно разглядывал ее с ног до головы. Артур за руку подвел Нину к низкому глубокому дивану рядом со столом и усадил ее.

- Ты не стесняйся, будь раскованна. Как будто со старыми друзьями. Тебе что налить?

- Ничего, спасибо. Я не пью. Если не возражаете, я бы хотела приступить к работе.

Руслан фыркнул, но тут же затих, потому что Артур кинул на него испепеляющий взгляд.

- Молодец, Нина. Время - деньги, да? Ты знаешь, в чем задача?

- Мне сказали, реклама постельного белья.

Абрек рассмеялся, обнажив желтые клыки:

- Ай, Артур, молодчик. Такой вещь придумал!

Артур погладил Нину по руке:

- Правильно тебе сказали. Постельное белье будем рекламировать. Иди раздевайся.

Он кивнул в сторону открытой двери, и Нина, заглянув туда, увидела кровать необъятных размеров.

- Минутку, - она попыталась встать, но Артур удержал ее за руку. - Я не совсем поняла... У вас ведь только пробы сегодня, верно?

Абрек запер входную дверь и повернулся, скрестив на груди могучие руки.

- Да-да. Пробы, пробы, - закивал Артур. - Фирма "Каспий", Оля Пестрова тебя прислала, все правильно. Мы с ней все договорились, проблем не будет. Сначала пробы. Если понравится, будем повторять.

Все это было так дико и нелепо, что Нина даже не испугалась. Ее приняли за проститутку. За девочку по вызову. Это или какая-то ошибка, или...

Нина решительно поднялась и направилась к выходу.

- Мне надо позвонить в агентство. Вы пока приготовьте свет, установите аппаратуру...

Но эта хитрость не удалась. Абрек Руслан выставил руку перед собой и грубо толкнул Нину в грудь.

- Какой свет! Сказали тебе, раздевайся, значит, раздевайся! Хватит целку строить! Хочешь свет, включим свет. Хочешь, выключим! Аппаратура хорошо работает, довольная уйдешь! Пошли!

Он схватил Нину за руку и потащил за собой в спальню.

Когда-то Саша учил ее приемам самозащиты. Это было давным-давно, но все его уроки моментально вспомнились, как только Нина поняла, что ее собираются изнасиловать трое грязных подонков.

Она с силой ударила абрека ребром ладони по уху. Тот даже присел от боли и выпустил ее руку. Нина развернулась к Артуру и замахнулась сумочкой, отвлекая внимание. Жаль, что на ней были не сапоги, а босоножки. Но и летняя обувь может послужить оружием - если четко припечатать каблуком по вражеской ступне. Артур взвыл и запрыгал на одной ноге, обхватив другую.

Нина рванулась к выходу, но в эту секунду внезапно ожил персидский шах. Он с поразительной ловкостью выставил свою трость и подцепил Нину за лодыжку.

Она со всего маху повалилась на ковер. Сверху на нее прыгнул Артур, пытаясь прижать ее руки к полу.

Поняв, что ей не вырваться из-под тяжелого мужика, Нина сменила тактику.

- Подожди! Ну перестань! - жалобно вскрикнула она. - Все, все, не надо! Отпусти! Я сама!

Громко ругаясь, Артур отпустил ее и встал у двери.

- Придурочная! Идиотка! Ты что себе позволяешь! Ты знаешь, кого ударила? Ты знаешь, что мы с тобой сделаем? Идиотка ненормальная!

Абрек тоже рычал что-то угрожающее, расстегивая рубашку, из-под которой клубилась густая шерсть на груди и животе. И только персидский шах сохранял полное спокойствие, только моргал и пыхтел чаще.

- Вы... вы, может быть, не знаете, - лепетала Нина, - но я... я замужем!

- Ну и что? Мы тебе жениться не предлагаем!

- Но я... но мой муж... боюсь, что он неправильно вас поймет!

- Плевать я хотел, как он нас поймет! Крутой, что ли? Зови его сюда, мы с ним разберемся!

- Но я не могу! Он... он сейчас в Петербурге! Но я, - Нина раскрыла сумочку, - я вам покажу, вот он!

Одной рукой Нина раскрыла портмоне, где под пластиком хранилась фотография Саши с Петькой на руках. Другой рукой она пыталась нащупать пилку для ногтей.

- Вот! Видите, это мой муж!

Она водила этой карточкой из стороны в сторону, а сама уже изготовилась, чтобы воткнуть пилку в глаз тому, кто первый кинется. Но все трое неожиданно застыли и замолчали. А потом персидский шах произнес непонятное:

- Ветер!

Артур осторожно шагнул к ней поближе, рассматривая фотографию.

Абрек прорычал что-то на своем горском наречии и ушел в спальню, захлопнув за собой дверь. На полу осталась его рубашка.

Персидский шах стукнул тростью по ковру и сказал:

- Извини, красавица. Эти чурки некультурные, вчера с гор спустились. Иди домой. Я с ними говорить буду.

- Э, Ахмед, я в чем виноват? - плаксиво спросил Артур. - Мне ее показали, ничего не сказали, я откуда знал, чья жена?

Пораженная такой переменной в их поведении, Нина пятилась к двери, выставив пилку перед собой. "Притворяются", - подумала она. Нащупав свободной рукой замок, она провернула его. Неожиданно распахнулась дверь в спальню, и на пороге появился разъяренный абрек. Нина в ужасе забилась об дверь, толкая ее вместо того, чтобы потянуть.

Абрек орал, колотя себя кулаком в грудь:

- Этот биляд в агентстве, с которой ты договаривался! Она не знал, что ли, что она замужем? Я ее саму...

Нина вылетела из номера, так и не услышав окончания фразы.

Выбежав из гостиницы, она кинулась к своей машине. Двигатель зачихал, закашлял, но не завелся. "Миленькая, родименькая, - уговаривала ее Нина. Ну что ты капризничаешь? Вот приедет Саша, он тебе свечи новые купит, он тебе маслице поменяет, он тебя помоеет. Ну, миленькая..."

Словно уступив ее уговорам, машина вдруг взревела так, что у соседнего джипа сработала сигнализация.

Кто-то постучал в стекло. Нина увидела перекошенное от страха лицо Артура. Обеими руками он держал у окна "вольво" виноградные кисти и бутылку шампанского.

- Ниночка! Умоляю! Неправильно поняли! От чистого сердца! Возьмите шампанское, туда-сюда, виноград! Я вашу администратора убью! Клянусь мамой, я не хотел!

Нина отпустила педаль сцепления, и "вольво" рванулась с места. Глянув в зеркало, чтобы поправить прическу, Нина увидела, что Артур еще долго бежал за машиной, размахивая виноградом.

7

Нину трясло от ярости. Когда она немного успокоилась, то поняла, что подсознательно, "на автопилоте" едет напрямик в агентство.

Дверь в кабинет администратора она распахнула ударом ноги. Пестрова недовольно оторвалась от развернутого журнала:

- Стучаться на...

Не договорив, она вскочила с места и кинулась в угол, заслоняясь креслом. Нина шла на нее, схватив с подоконника цветочный горшок. Она уже предвкушала, с каким смачным звуком расколется он об эту ненавистную физиономию...

- Ниночка! Ой! Ниночка! Ой! Не надо!

Пестрова завизжала и присела за кресло, закрываясь им от неумолимо приближающейся Нины.

От ужасной расправы Нину удержал телефонный звонок. Она вдруг услышала, что в ее сумочке приглушенно поет мобильник. Лихорадочно, дрожащими руками Нина достала телефон - и наконец-то услышала голос мужа.

- Ты меня хорошо слышишь? - спросил Саша, не поздоровавшись.

- Да! Конечно! Саше...

- Молчи. Не называй имен. Подъезжай к трем вокзалам со стороны Сокольников. Остановись у подземного перехода перед Ярославским, за троллейбусной остановкой.

Двигатель не глуши. Все поняла?

- Да!

- Когда будешь?

- Да... да... конечно, Са...

- Молчи. Когда будешь? Полчаса?

- Да! Да! Конечно!

- Жду.

Нина только сейчас заметила, что держит цветочный горшок. Она машинально отдала его Пестровой, и та так же машинально схватила его обеими руками.

"Что-то случилось, что-то случилось", - эта мысль колотилась в сознании Нины, пока она бежала к машине. Все, что произошло с ней самой, отодвинулось на второй план. С Сашей беда.

Она остановила "вольво" возле подземного перехода у Ярославского вокзала и включила аварийную сигнализацию. На остановке толпился народ. Толпа зашевелилась, завидев приближающийся троллейбус, и двинулась ему навстречу. Несколько бойких и нетерпеливых мужичков не постеснялись рвануть к троллейбусу бегом. Один из них, в затрапезном пальтишке, в надвинутой кепке, пробегая мимо Нины, неожиданно дернул дверцу и плюхнулся в "вольво" на заднее сиденье.

- Гони, Нежненьчик. Как я тебя учил.

Нина даже не успела удивиться. Узнав родной голос, она ударила по газам, и машина, завизжав резиной, сорвалась с остановки.

Поглядывая в зеркало, она видела, что Саша беспокойно смотрит по сторонам. Перехватив ее тревожный взгляд, он подмигнул и улыбнулся.

- Сашенька, где тебя носило...

- Сейчас направо, Нинуль. Постарайся быстрее.

Нина увеличивает скорость.

- Налево. На светофоре резко на разворот.

Она развернулась на желтый свет, перед носом трогаящихся автомобилей. Кто-то нервно ударил по тормозам, кто-то засигналил изо всех сил, но Нина была уже далеко. Она резко свернула в переулок.

Впереди был тупик, и она спросила:

- Куда мы едем?

- Уже никуда. Стоп. Выходим.

Он выскочил первым и отошел в тень за угол дома. Нина кинулась к нему, и они обнялись, словно тысячу лет не виделись.

- Саша... Сашенька... милый! Боже мой! ты уехал... а там депутата убили... я звонила, а твой телефон выключен...

- А я тебе из Питера подарочек привез... на вокзале увидел, сразу купил. Держи, Нинуль. Пиаф. Ты же любишь.

- Пиаф... конечно... милый мой... что случилось, скажи мне! Ты в опасности?..

- Нет, нет. Ничего не случилось. Просто это были не шведы, а натуральная подстава. Конкуренты нам подставили бандитов. Еле ноги унес. Приехал на дневном поезде. Петька дома?

- В саду, - Нина посмотрела на часы и ахнула: - Его надо было забрать час назад!

Саша удержал ее за локоть, когда она шагнула к "вольво":

- Оставь тачку здесь. Поедем на такси.

- Почему?

- Она тебе больше не нужна. Егор заберет. Сегодня ночью мы улетаем в Грецию.

Они вышли из переуллка, и Саша остановил такси. Нина, ошеломленная новостью, переспросила:

- Как "уезжаем"?

- Да, Нина. Решение принято. Я ушел из этого дела. Всех денег не заработаешь. Нам с тобой хватит. Да и Петьке там будет лучше.

Нина вздохнула. Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

- Хорошо, что я вещи не успела распаковать. Ой, да ты же не знаешь. Мы же переехали.

- Куда? Зачем?

- Я наконец-то сняла дом. Тот самый, который мы хотели, в Архангельском. Сегодня перевезла вещи туда. Еще не распаковала.

Саша горячо стиснул ее плечо:

- Нинуль, гениально! Об этом кто-нибудь знает?

- Ну... мальчик из агентства недвижимости знает. Очевидно, хозяева знают.

- А из наших знакомых?

- Иван помог мне перевезти вещи.

- А, этот... ну ладно. Петька, наверно, страшно обрадуется.

- Еще бы... он так по тебе скучает...

8

Не думала Нина, что так недолго ей придется побыть хозяйкой загородного дома. Одну только ночь отпустила ей судьба, да и ту - неполную.

Рано утром им уже надо будет прибыть в аэропорт, и белокрылый лайнер унесет Нину, Сашу и Петьку куда-то в лазурную даль, к теплому морю и нежному солнцу. Там не будет вечного страха перед будущим. И Нина сможет забыть и о Пестровой с ее абреками, и о Егоре с его пацанами.

Там начнется новая жизнь. А пока Нина и Саша прощались со своим прошлым.

Две свечи горели на столе, отражаясь в бутылке шампанского и двух высоких фужерах. Под звуки вальса Нина и Саша медленно кружили в танце.

- Ты нашла прекрасный дом, - говорил Саша. - Лучше этого дома у нас с тобой не было. И не будет. Здесь мы не найдем ничего лучше, чем этот дом. Вот как раз поэтому и надо уезжать.

- Как скажешь, так и будет, - Нина опустила голову на плечо мужа.

Прозвучал последний аккорд, и они остановились, продолжая обниматься в темноте. Тишину нарушил детский голос.

- Мам, ты где? - позвал Петька сверху, из своей комнаты.

Нина заторопилась наверх, и Саша бесшумно поднялся следом.

Петька сидел в постели, сонно оглядываясь.

- Что, маленький? - Нина обняла его и уложила, поправив одеяло. - Что, мой хороший?

- Где ты? Где папа? Где мой мишка?

- Здесь, здесь, все здесь. Спи.

- А папа больше никогда не уедет? И завтра тоже?

- Конечно.

- А мы правда завтра поедем в Грецию?

- Конечно. Поэтому тебе надо скорее спать, чтобы отдохнуть.

Саша, войдя в комнату, наклонился над Петькой:

- Я тут, сынок. Не бойся, я от тебя никогда не уйду.

- Обещаешь?

- Обещаю.

Петька удовлетворенно повернулся на бок, обняв своего плюшевого мишку.

Нина на цыпочках вышла из детской. Саша затворил за собой дверь и обнял ее.

- Пошли в спальню, - жарко прошептал он.

- Он еще не заснул.

Нина шутливо оттолкнула дерзкие руки мужа, но сама уже отступала к спальне.

Он впился в ее губы и подхватил на руки. Через секунду они уже упали на широкую кровать. Нину обжигали его губы, скользившие по шее, по груди... Но вдруг Саша оторвался от нее и настороженно застыл.

- Что ты?

- Телефон, - сказал он, вставая с постели.

- Это мой мобильник, - Нина попыталась его удержать. - Пускай звонят, меня нет.

- Я жду звонка на твой телефон, - сказал Саша. - Ответь. Но меня нет ни для кого. Я жду звонка от Егора.

Они быстро спустились по лестнице, и Нина взяла трубку. Услышав голос Егора, она тут же передала ее Саше, а сама налила себе шампанского, чтобы немного остудить распаленные губы.

Саша стоял у окна и разговаривал, понизив голос, чтобы не разбудить Петьку.

- Здорово, братан. Мост проехал? Давай теперь три километра вперед, первый поворот направо, до упора. Коттедж с белым крыльцом, на первом этаже горит свет. Собак нет. Давай, до связи.

Он положил трубку на стол и снова обнял Нину:

- Это Егор. Сейчас будет. У него паспорта и билеты.

- Как все оперативно, - Нина отстранилась. - Саша, почему такая внезапность?

Саша перехватил ее фужер и отпил из него.

- А в этой жизни все внезапно. Внезапно родился, внезапно умер. Но если серьезно, то мы ведь давно к этому готовились, верно, Нинуль? Если решение принято, тянуть нечего. Разве ты не хочешь уехать отсюда как можно скорее? В нормальную страну, с нормальными людьми и нормальным климатом.

- Это старый разговор. Я никуда из России уезжать не хочу. Но я хочу с тобой. Куда ты, туда и я.

- Ну и хорошо.

Он сел в кресло и включил телевизор. В ночных новостях снова шел репортаж об убийстве депутата: "Народный избранник был цинично и хладнокровно расстрелян рядом со своим домом, в восемь часов тридцать минут утра, когда глава думской фракции садился в ожидавший его служебный автомобиль. По свидетельству очевидцев, первые выстрелы приняли на себя водитель и телохранитель депутата. Их состояние врачи оценивают как удовлетворительное. Спасти жизнь Дерюгина, однако, не удалось..."

Саша переключил канал и вытянул ноги к камину.

- Приедем, купим дом на берегу. Не хуже, чем этот. В саду оливы, пальмы. Море будет рядом. С балкона будет видно и слышно. Ты и там будешь моделью или, если хочешь, откроешь свою школу. Или еще родим. Петьке нужен братик. Все, что ты захочешь. Куплю катер, буду туристов возить на морскую рыбалку. Разве плохо, Нежнуля моя?

Нина подошла к нему, и Саша усадил ее к себе на колени.

- Дом, катер? Ты представляешь, сколько это стоит?

- Я знаю, сколько это стоит. Я уже все рассчитал. Шиковать в казино мы не сможем. Но жить будем спокойно. Как все. Как нормальный средний класс средней европейской страны.

- Я никогда не спрашивала, чем ты занимаешься, откуда у тебя огромные деньги. Но через пять часов у нас самолет. Мы улетим навсегда. Саша, мне это важно. Скажи, мы улетаем из-за него?

Она кивнула на экран телевизора, и Саша беззаботно рассмеялся.

- Ну что ты! При чем тут мы?

Нина облегченно вздохнула и обняла его.

- Ты действительно закончил со своим бизнесом? Ты больше не вернешься к нему?

- Да. Никогда.

- А Иван говорил, что ты со своим бизнесом так просто не развяжешься.

- Он просто трепло. Дешевка и карьерист. Нинула, приготовь чемоданы. Мне надо еще позвонить.

Чемоданы были давно готовы, их осталось только закрыть. Нину снова кольнула обида. В такую важную минуту Саша мог бы уделить ей больше внимания. Ему легче. Он не оставляет здесь ничего, что было бы ему по-настоящему дорого. И наверное, он бы рассмеялся, узнав, что Нина хотела бы увезти с собой всю свою посуду. Сколько раз сегодня она уже укладывала и перекладывала свои вещи!

Нина вышла в кухню. Протирая и укладывая свои любимые китайские чашки, она прислушивалась к голосу мужа.

- Это я, Ветер. Кто нас повезет? Хорошо. Пусть выезжают уже сейчас. Ничего, просто я хочу пораньше. Дом по Рублевке. Когда выедут за кольцо, пусть позвонят Нине на мобильный. Она расскажет, как ехать дальше.

"Как он назвал себя? Ветер? Что еще за партийная кличка", - удивилась Нина. Ей показалось, что кто-то совсем недавно именно так назвал Сашу. Но кто, когда? От этих мыслей ее отвлек звонок в дверь.

Это пришел Егор. Он обнялся с Сашей и протянул ему пухлый конверт.

- Классно устроились, - он оглядел гостиную, уважительно покачивая головой. - Жаль только, ненадолго. Здорово, Нинок.

- Добрый вечер, Егор, - сухо ответила Нина. - Ты так и не позвонил мне, а ведь обещал.

- Падла буду, не забыл, а просто не мог. Крутился с вашими делами, как белка, еле успел.

Саша достал из конверта один паспорт, потом другой. Внимательно рассматривая документы, он отошел под люстру.

- Шампанское будешь?

- Не откажусь. Типа, на посошок.

Нина достала из серванта третий фужер, и Егор сам налил себе.

- Ну, Ветер, за ваш счастливый отъезд. За то, чтобы все обошлось.

- Все уже обошлось.

Егор залпом выпил шампанское и вытер губы ладонью.

- Мне будет тебя не хватать. Ты сама прикинь, Нинок, он мой самый крутой друг и учитель. Он стрелять меня научил, на лошади научил, машину по-настоящему водить научил, от хвоста уходить научил.

- Хватит болтать, - оборвал его Саша. - Отвези нас в аэропорт.

- Так ведь... рано еще, - растерялся Егор. - Ветер, у вас самолет еще через пять часов.

- Отвези. Посидим в ресторане.

- Ветер, ну не в падлу... меня баба ждет. В натуре, я ж не знал, я с бабой договорился. А

за вами Шепель джип высылают. Мы ж вроде так договорились.

Саша недоверчиво глянул на приятеля:

- Что за свидания по ночам? Ты вроде не мальчик.

- Да сам понимаешь, типа любовь... У нас с ней серьезно. Она тоже модель, как Нина. Я ее три недели клеил, уговаривал, чтобы в ночной клуб пойти. Она только сегодня согласилась... Вероника Ефимова. Нинок, ты, может, знаешь?

- Да, знаю. Хорошая девочка.

- Ладно, - с сожалением сказал Саша. - Если хорошая девочка, то я мешать не стану.

Егор радостно закивал и снова обнял Сашу:

- Ну, Ветер, давай. Готовь хату, я к вам летом приеду загорать.

- Я тебя провожу.

Стоя у окна, Нина видела, как они спустились с крыльца и остановились перед черной "девяткой" Егора. Ей не было слышно, о чем они говорят. Но она видела, что Егор оправдывается и виновато разводит руками. "Опять секреты, - подумала Нина. - Наверно, Саша выговаривает ему за то, что случилось в Питере. Конкуренты подставили под бандитов, так он сказал? Еще неизвестно, кто там больше похож на бандита. Нет, очень хорошо, что нас не повезет этот Егор. Не хотелось бы последние часы на родине провести в такой компании".

Нина закрыла оба чемодана и поставила их поближе к выходу. Саша, войдя, ободряюще улыбнулся ей и снова сел в кресло перед телевизором.

- Не нравится мне твой Егор, - сказала Нина. - Я понимаю, что он твой друг, но...

- Мой друг - это ты, - сказал Саша. - Никаких иных друзей у меня нет и быть не может. Ну, еще Петька. И всё.

Теплая волна благодарности чуть не заставила Нину расплакаться. На счастье, снова зазвонил телефон. Саша взял трубку, но тут же, приложив палец к губам, отдал ее Нине. Она услышала голос Ивана Бобровского.

- Старуха, ты где, на фазенде? Саша приехал?

- Привет, Ванька! Да, Саша приехал. Ванька, ты знаешь, мы ведь улетаем! Сегодня, уже скоро. В Грецию.

- Как так? С чего бы это?

- Ну как, я сама не знала, так получилось. За нами заедут, уже через час.

- Через час? - переспросил Иван. - Постой, мы что, даже не попрощаемся? Старуха, погоди, ты сейчас дома будешь? Не уйдешь никуда?

- Нет, мы никуда до отъезда выходить не будем.

- Никто вас не провожает, вы вдвоем?

- Вдвоем, конечно, с кем же нам быть? Петька спит. А ты что спрашиваешь, надумал приехать? Слушай, Вань, присмотри за нашей квартирой. Алло! Ваня!

Связь оборвалась. Саша сказал, не отрывая взгляда от экрана:

- Урод он, этот твой Ваня. Все эти журналисты - уроды. Вот, глянь. Там человека убили, а для них - праздник. Сенсация. Надо срочно бабки на этом заколотить. Уроды.

Он прибавил звук. На экране милицейский чин говорил, важно поглядывая на окруживших его людей с микрофонами и камерами: "Преступник работал один, без помощников. С места преступления ушел пешком, через проходные дворы. Оружие выбросил, приведя в негодность. Случай довольно редкий. Объяснить это можно тем, что он - профессионал экстра класса. Но, как говорят, и на старушку бывает проруха. Мы тоже

хлеб не зря едим. В интересах следствия больше ничего сказать не могу. Могу добавить только..." Нина встала перед телевизором, заслонив экран.

- Я не могу больше слушать про это. Нас это больше не касается. И у тебя больше нет дел в России. Считай, что мы уже там.

Саша покачал головой.

- До отлета еще почти пять часов. И мы еще здесь.

- Все равно. Лучше пойдем погуляем. Здесь совсем рядом река.

- А Петька если проснется? Не испугается?

- Еще часа два он будет спать как убитый.

Саша достал сигарету, прикурил, ласково погладил Нину по щеке.

- Пойдем, пожалуй.

Внезапно мирную тишину разорвал грохот в прихожей. Зазвенели выбитые стекла. Нина испуганно обернулась, но Саша схватил ее за плечи и с силой толкнул в угол.

Она потеряла равновесие и схватилась за спинку кресла. Но не удержалась и повалилась на ковер вместе с ним.

Все дальнейшее казалось ей страшным сном.

В комнату ворвались люди в черных масках. На них пятнистое обмундирование, в руках автоматы. Они кричат страшными голосами: "На пол! Всем на пол!" Кому они кричат? Ведь здесь никого нет.

Лежа за креслом, Нина вдруг увидела, как Саша с размаху бьет стулом по люстре. Звон, треск! Свет гаснет. Оглушительно гремят выстрелы. Словно огромные барабанные палочки простучали по стене над головой Нины.

Она забилась в угол, закрыв голову руками. Все ее тело сковал смертельный холод, она не могла пошевелиться от ужаса и желала только одного - чтобы этот кошмар скорее кончился...

9

Кажется, она надолго потеряла сознание. Нина не помнила, как снова оказалась в кресле и откуда у нее в руке мокрая тряпка, которую она прикладывала к ушибленному виску.

Придя в себя, она услышала чье-то бормотание, которое становилось все отчетливее и в конце концов превратилось в голос Ивана.

- ...киллер, известный под прозвищем Саша Ветер... оперативная группа блестяще провела молниеносный захват... должен был покинуть... тщательно разработать операцию времени не было...

Нина зажмурилась от яркого света, который вспыхнул так близко, что мокрые щеки мгновенно высохли. Иван продолжал диктовать:

- Задержание преступника стало возможным благодаря вовремя полученной оперативной информации. Саша Ветер укрывался на даче, которую специально для этого сняла его любовница, известная модель Нина Силакова...

Нина приоткрыла глаза и тут же заслонила их ладонью. Прямо перед ее лицом ярко пылал переносной софит. Оператор водил переносной камерой по углам комнаты, усеянным сверкающими осколками. За его спиной Нина увидела Ивана с микрофоном в руке и почему-то в бронежилете. В комнате мелькали фигуры милицейских офицеров в форме и людей в штатском.

А мрачный голос Ивана с болезненной резкостью отдавался в ее сознании:

- ...При задержании киллер оказал серьезное сопротивление. Он открыл ураганный огонь из двух пистолетов, и бойцы группы захвата были вынуждены применить оружие. Ветер был убит на месте. Так закончилась жизнь и карьера бывшего офицера-десантника и самого жестокого убийцы в новейшей истории нашей страны.

Иван выдержал эффектную паузу и весело скомандовал оператору:

- Все, стоп машина!

Софит погас. Следя за тем, как Иван сматывает шнур микрофона, Нина попыталась встать, однако ноги еще не слушались ее.

- Иван! - позвала она, почти не слыша собственного голоса. - Что ты несешь? Ты все наврал... Он не убийца.

Бобровский застегнул кожаную сумку и похлопал оператора по спине.

- Серж, подожди меня в автобусе, я еще должен договориться с ребятами из убойного отдела.

- Ты все наврал, - громче повторила Нина. - Зачем ты это? Я не любовница, я жена.

Иван, наконец, обратил на нее внимание. Он присел на корточки, заглядывая в ее глаза.

- Ну, положим, уже не жена, а вдова. Но теперь-то какая разница? Тебе уже все равно. Все это дурной сон, старуха. Выброси и забудь.

"Вдова? Почему вдова? Что значит вдова?" - хотела спросить Нина, но все слова жестким комком застряли в горле. Все помутилось перед ней, и щеки снова стали мокрыми. Нина вытерла их кулаком.

- Послушай, - Иван похлопал ее по коленке. - Ты должна дать мне интервью. Эксклюзивное. Только мне. Мы же с тобой друзья. И ты там все расскажешь. Все, что сочтешь нужным.

"Я вдова. Саша умер. Саши больше нет", - думала Нина, слушая голос Ивана, доходящий до нее как будто из-за глухой стены.

- Алло!.. Нина! - Бобровский, порывшись в карманах, достал смятый листок и что-то написал на нем, а потом вложил в руку Нины. - Вот мой мобильник. Когда оклемаешься, обязательно позвони. Договоримся о встрече и все такое.

"Саши нет. Мы никуда не уезжаем. Мы остаемся здесь. - Нина оглянулась. - Как грязно. Надо убрать. Что здесь делают все эти люди? Почему они шатаются туда-сюда по моему дому?"

Еще одно лицо появилось перед ней, и еще чей-то голос пробился сквозь ее навязчивые мысли.

- Я старший следователь Сергеев, я веду уголовное дело, возбужденное против вашего мужа. Хочу задать вам несколько вопросов. Вы меня слышите?

Нина молча смотрела на седого человека в очках с толстыми стеклами. "Какая ужасная оправа, - подумала она. - Это он специально носит такую ужасную оправу, чтобы вызывать страх и отвращение. Как они все отвратительны в этих своих мундирах цвета грязного асфальта, с дурацкими звездочками, и в этих нелепых фуражках с такой высокой тульей, как у гитлеровцев. Саша умер. Они убили его".

Следователь придвинул второе кресло к Нине и сел рядом. Раскрыл на коленях папку, приготовился записывать.

- Предупреждаю, что за дачу ложных показаний следует уголовная ответственность. Зачем вы сняли этот дом?

Нина молча разглядывала его оправу. "Он похож в ней на странное насекомое. Вроде

стрекоза, но без крыльев. Ядовитое насекомое. Паук. Тарантул. Укус смертелен. Саша умер. Они убили его".

- Зачем вы сняли этот дом? Силакова, вы меня слышите?

Нина попыталась ответить, с трудом разлепив онемевшие губы.

- Что? Говорите, прошу вас, громче, - он наклонился к ней. - Что вы сказали? Зачем вы сняли дом?

- Чтобы жить...

- Что? Не слышу. Зачем?

- Чтобы жить...

- Так, ладно. Давайте так. Вы сейчас отдохайте, приходите в себя. А я вызову вас повесткой, дня через три. Договорились? Идите отдыхать.

К ним подошел низкорослый полковник в милицейской форме. Круглый живот выпирал из-под расстегнутого кителя.

- Куда ты ее отправляешь?

- Наверх, товарищ полковник. Пусть поспит.

- Не надо. Нечего ей здесь делать. Пусть заберет личные вещи и валит отсюда. Бандитская подстилка. Она здесь не прописана, и договор аренды не на нее.

- Я вас не понял, товарищ полковник.

- Гнать, гнать отсюда, что тут непонятного, Сергеев? Личные вещи собрать под присмотром. Чтобы ничего отсюда не вынесла.

"Личные вещи, - отозвалось в голове у Нины. - Надо собрать личные вещи. Опять собирать вещи".

- Вот они, все мои вещи, - неожиданно для себя выговорила Нина. - Два чемодана и ребенок.

- Я вам помогу, - сказал следователь в толстых очках. - Я отнесу вещи, не надрывайтесь. Где стоит ваша машина?

- Машины больше нет. Не надо мне помогать. Вы убили моего мужа, ровным, равнодушным голосом сказала Нина.

Следователь все же не отстал от нее и помог донести чемоданы до обочины дороги. Петька спал у Нины на руках. Она долго сидела на чемоданах, боясь разбудить сына.

По шоссе пролетали редкие автомобили. Старенький грузовик, проехав мимо нее, остановился и сдал назад. Водитель спросил только:

- В Москву, дочка?

Нина кивнула, и он подхватил чемоданы, а потом посадил ее в кабину.

Петька проснулся, когда грузовик уже свернул с кольцевой.

- Приехали? - он протер глаза кулаком и прилип носом к окну. - А где море?

Водитель рассмеялся:

- Море в другой стороне.

Нина прижала Петькину голову к своей груди, словно хотела, чтобы он ничего не увидел. Никогда уже не будет в их жизни моря и солнца. Никогда не будет Саши. Все кончилось.

Она не помнила, как доехала до дома. Кажется, Петька назвал водителю адрес. Дом тринадцать, квартира восемь, второй этаж.

В дверях торчала записка: "Ключи в 9-й кв. Варя".

"Кто такая Варя? Почему мои ключи в чужой квартире?" - равнодушно подумала Нина и

позвонила в дверь соседки. Та открыла спустя несколько минут. Кутаясь в халат и зевая, протянула ключи:

- Ни свет ни заря ходят, будят, спать не дают. Ты чего, Нин, как в воду опущенная? Девчонка твоя ключи оставила, тоже вся такая кислая была. Вы чего, молодежь? Красивые, богатые, чего вам еще надо? Нин, да что с тобой?

Она говорила что-то еще, но Нина уже не понимала ее. Чужие слова казались таким же шумом, как рокот улицы за окном. Сейчас ей хотелось одного - забраться в постель и укрыться с головой. Никого не видеть и не слышать. Никогда больше не видеть, не слышать, не вставать...

Она едва-едва успела захлопнуть за собой дверь и упала на кровать. Петька прикорнул рядом, прижавшись к ней. Не вставая, она подтянула к себе плед, укрыла Петьку, укрыла себя и наконец-то закрыла глаза, провалившись в пустоту...

Когда Нина проснулась, в комнате было темно и тихо. В мертвой тишине тикали настенные часы. Прогудел лифт. За стенкой у соседей слышалась бравурная заставка к программе "Время".

- Уже вечер, мама, - не открывая глаз, произнес Петька. - Мы встаем или спим дальше?

Нина не ответила, погладив его мягкие волосы.

Зазвенел телефон. "Нас нет дома, - мысленно ответила Нина. - Нас нет нигде".

Сработал автоответчик, и в комнате раздался голос администратора Пестровой:

- Госпожа Силакова, агентству стали известны некоторые моменты вашей личной жизни. Вы позорите... люди, подобные вам, позорят образ модели. Вы дискредитировали наше агентство. Контракт с вами расторгнут. И в агентстве просим больше не появляться. Это коллективное решение всех девушек и приказ Натальи Ашотовны.

"Кто такая Наталья Ашотовна? Не знаю, - подумала Нина. - Наверно, ошиблись номером".

Петька под боком зашевелился и выпутался из-под пледа. Нина попыталась его придержать, но он спрыгнул на пол и прошлепал в туалет. Оттуда его легкие шаги - шлеп-шлеп-шлеп - направились на кухню. Нина слышала, как открывается и закрывается холодильник, как гремят тарелки и чашки. Она помнила, что ребенка надо покормить. Но у нее не было сил подняться.

У нее не было сил жить.

После длинного, требовательного звонка снова сработал автоответчик. На этот раз Нина услышала голос матери:

- Ниночка, доченька, родная моя... я сама не видела, мне рассказали... Вас по телевизору показывали... Я им не верю, они всегда врут, по телевизору... про Сашу врут! Я вас всех очень люблю. Саша был не такой! Горе у нас, доченька, горе у нас великое... но держись, слышишь! Вы приезжайте ко мне! Я от тети Нюры звоню, она передает привет. Говорит, мы все - за тебя. У нас все тебя тут любят, и все передают привет.

В комнату вошел Петька с подносом в руках. На подносе Нина разглядела криво и косо нарезанный сыр, хлеб, замерзшее масло в бумажке, отдельно на блюде несколько кусков рафинада.

- Бабушка звонила, да?

Нина опустила голову, не отвечая. Петька подвинул стул к постели, поставил на него поднос, сам сел на краешек кровати.

- Я конфет не нашел. Кушай, мама. Это вкусный сыр, только горький.

Нина закрыла глаза. Она почувствовала, как Петька касается бутербродом ее губ.

- Ну, не хочешь, тогда и я не буду, - сказал сын и лег, положив голову к ней на живот. - У бабушки в деревне такого сыра нет. Там сейчас хорошо, в деревне, слякоть... Все в резиновых сапогах ходят. В сапогах хорошо, ноги не промокают. Где хочешь, можно ходить. Санька, наверное, костер в овраге жжет...

В квартире сгустилась темнота. Нина лежала неподвижно, и голос сына доносился словно издалека...

- Мы бы с бабушкой сейчас пошли бы доить Кляксу, а потом я бы попросил, мы бы сепаратором сделали сливки... а потом пришла бы тетя Нюра, принесла бы плюшек... Они бы смотрели свой сериал, а я бы нарисовал ветер...

"Ветер, - подумала Нина. - Киллер по кличке Ветер. Те подонки в гостинице, они испугались, когда увидели его фотокарточку. И сказали Ветер. Даже они знали, кто такой Саша. Все это знали. Кроме меня".

Нет, этого не может быть. Это сон, страшный сон. В жизни не может быть такого - чтобы все рухнуло в один миг.

Она лежала с открытыми глазами, но ничего не видела. Чернота окружала ее, вливалась внутрь через зрачки, заполняла душу. Даже мыслей никаких не осталось. Только ощущение пустоты. Саша умер, и в жизни не осталось ничего. Как хорошо было бы заснуть и не проснуться больше никогда...

Утро пришло неожиданно. Нина вдруг услышала, как Петька возится на кухне. Потолок из черного стал белым, и в окне виднелся кусочек голубого неба над кроной тополя. Ночь прошла, но ничего не изменилось. Саши нет, и нет сил жить дальше...

Уснуть и не проснуться. Где-то должно быть снотворное. Она почти никогда им не пользовалась, в упаковке должно оставаться еще много таблеток. Достаточно много...

Она нашла снотворное в аптечке, в ванной. Не узнавая себя, посмотрела в зеркало: скулы торчат, нос заострился, под глазами черные круги. В гроб краше кладут.

Сколько надо принять таблеток, чтобы - наверняка?

На кухне что-то упало, и сразу же Петька вскрикнул от боли и испуга.

Нина, уронив таблетки, бросилась на кухню. Петька стоял, подняв вверх порезанный палец, и горько плакал. По руке двумя извилистыми струйками стекала кровь. Увидев маму, Петька, чтобы сдержать плач, зажал себе рот здоровой рукой.

Ахнув, Нина кинулась к сыну.

- Порезался, маленький? Как же ты так? - приговаривала она, быстро затащив его в ванную, к аптечке. Ватка, йод, бинт - в аптечке есть все, что нужно. - Вот и все, вот и завязали пальчик. Ну, как же ты так?

- А у нас сыр кончился, - всхлипывая, говорил Петька. - Я хотел колбасу для взрослых порезать. А она твердая, как деревяшка. Ножик как соскочил, меня как ударил! Мамочка, ну не плачь! Это же я порезался, а не ты. Ну почему ты плачешь, мамочка! Ну я больше не буду! Только ты не плачь, мам!

- Я не плачу, - шептала Нина, стоя перед сынишкой на коленях и прижимая его к себе. - Сокровище мое, прости меня, пожалуйста.

- Да чего там, прощаю, - сказал Петька и погладил забинтованной ладошкой ее по щеке, вытирая слезы.

От этого заботливого жеста Нину словно взорвало изнутри. Она зарыдала, трясась всем телом, то прижимаясь к сыну, то отворачиваясь от него, чтобы вытереть мокрое лицо.

В какой-то момент Петька вывернулся из ее рук и подал Нине полотенце:

- У тебя уже все лицо черное, в полоску. Мама, ну чего ты так расстроилась? Ну опять проспала, ну ничего. Поедем в Грецию в другой раз. Она ведь никуда не денется. А нам и тут хорошо, правда? Ты только вытри лицо, а то я тебя боюсь.

10

Выйдя из дома, Нина с удивлением обнаружила, что вокруг ничего не изменилось. Так же, как и всегда, светило солнце, и проносились коптящие машины, и толкались покупатели в магазине. И никто ее не спрашивал ни о чем. Никому не было дела до ее горя. Раньше чужое равнодушие могло бы обидеть ее, но сейчас она даже была благодарна этим людям. Никто не приставал к ней, не бередил душу. И даже когда старушка в очереди обозвала ее сонной тетерей, Нина не обиделась, не разозлилась, а, наоборот, извинилась так искренне, словно каялась в смертном грехе.

Когда она вернулась домой с продуктами, Петька сидел у телевизора.

- Мам, дядю Ваню показывают! И папу!

"Какого еще дядю Ваню?" - заторможенно подумала Нина, переливая молоко из пакета в кастрюльку для кипячения. Но голос, донесшийся из комнаты, заставил ее сразу все вспомнить.

На экране красовался Иван Бобровский, в строгом костюме, при галстукe, в тонких очках. Он уже не был похож на криминального репортера. Весь его вид, и голос, и жесты, - все говорило об основательности и добропорядочности.

- ...в задачи журналиста не входит осуждение. В мои задачи входит только подача информации. А судить уже будете вы.

Нина увидела на экране телевизора свои любимые семейные фотографии. Лучшие моменты их жизни. Их свадьба. С Петькой у роддома. На лыжах в лесу...

Голос Ивана звучал проникновенно:

- Таким он был раньше... веселым и честным парнем. Жена любила его, сын обожал. Почему он предал их, их любовь? Ведь то, чем занимался знаменитый киллер по прозвищу Ветер, прямо противоположно любви.

Нина кинулась к шкафу, достала альбомы с фотографиями, лихорадочно перелистала - и обнаружила несколько опустевших страниц. "Вор, - подумала она почти равнодушно. - Он просто вор. Забрался в мою квартиру. Украл мои вещи. Мелкий грязный воришка".

А Бобровский продолжал вещать:

- В итоге его карьера закончилась вот так: бесславно и позорно. У кого осталась о нем добрая память? У его сослуживцев - офицеров-десантников? У его семьи, жены и ребенка, которые ничего не знали о том, чем занимается их муж и отец? Или может, у семей расстрелянных и взорванных им людей?

Нина переключила телевизор на другой канал. Петька спросил:

- Ты не хочешь посмотреть про папу? Что сказал дядя Иван? Папа скоро приедет?

- Нет. Он уехал от нас навсегда. Хочешь молока?

- Давай, - Петька спрыгнул с кресла. - А как уезжают навсегда? Туда какой самолет летит? С большими-большими крыльями, да?

Поставив кастрюльку с молоком на плиту, Нина обнаружила, что в коробке кончились спички. Беспомощно оглядываясь, она увидела свою сумочку. Там должна быть зажигалка. Вот она, на самом дне. А это что за бумажка? Чего только не найдешь в дамской сумочке.

На сложенном листке она увидела телефонный номер и надпись, сделанную

незнакомым почерком - "Иван".

Если бы не эта бумажка, Нина смогла бы просто вычеркнуть Бобровского из своей жизни, как уже вычеркнула Пестрову со своим агентством. Но четкие, жирные цифры и важная подпись смотрели на нее нагло, с вызовом.

И Нина приняла вызов.

Она набрала номер и услышала, как Иван говорит кому-то рядом с собой:

- ...Извините, важный звонок. Да, слушаю, Бобровский.

- Это Нина. Ты просил позвонить. Я хочу знать, как ты...

- Кто это? А, это ты. Мне сейчас некогда. У меня важные гости. Позвони мне примерно так через неделю, через две.

- Иван, нам надо поговорить. Срочно.

- Это тебе срочно надо, а у меня есть дела поважнее. Сама понимаешь, новая должность, целая армия персонала, миллион разных заморочек. Через недельку созвонимся.

Он первым положил трубку, и Нина еще с минуту слушала короткие гудки. Новая должность? Пошел на повышение? А вчера еще плакался, что его вот-вот пинком под зад вышвырнут с телестудии?

Что же такого сделал журналист Бобровский, чтобы поправить свои дела?

Он снял репортаж о задержании знаменитого киллера. Да, он так и сказал - "знаменитый киллер".

Журналист Иван Бобровский оказался в нужное время в нужном месте, вот и все. Теперь он будет процветать, и его самодовольная физиономия будет каждый день маячить на экране.

Неужели все так просто? Обычное везение, случайность? Почему везет именно таким, как Бобровский? Почему именно он был вместе с группой захвата, когда она набросилась на Сашу?

И вдруг Нина с болезненной ясностью снова вспомнила всю эту жуткую картину - разгромленный дом, чужие люди роются в ее вещах, и Иван Бобровский в бронежилете, с микрофоном стоит перед камерой и софитами. Она задала себе вопрос, который почему-то до сих пор не приходил на ум - а откуда группа захвата знала, где находится Саша?

Ведь никто на свете не знал о его новом адресе.

Никто, кроме Ивана Бобровского.

Она почувствовала себя так, словно после блужданий в темных коридорах вдруг попала в ярко освещенный зал. Теперь ей все было ясно, и она знала, что надо делать.

Нина сняла закипевшее молоко с огня и перелила его в глиняный кувшинчик, привезенный из деревни.

- Сынок, хочешь поехать к бабушке? Прямо сейчас, хочешь?

- К бабушке? Поехали!

"Вольво" Нина нашла там же, где и оставила в тот вечер, когда встречала Сашу из Питера. Машина стояла в тупике, под липой. Нина стряхнула листья с капота, протерла запыленное стекло. Словно чувствуя настроение хозяйки, двигатель не капризничал, как обычно по утрам, и послушно завелся.

Первым делом Нина заехала в свой банк.

Войдя в операционный зал, она подошла к свободному окошку, протянула документы. За стеклом сидел клерк, который всегда обслуживал ее. Обычно они обменивались парой фраз о разных пустяках. Но сегодня он не узнал Нину. Во всяком случае, он старался не

поднимать глаз от бумаг.

- Я хочу снять все деньги с моего счета.

- Вы хотите закрыть счет?

- Нет, - ответила Нина, вспомнив о недавних съемках. - В этом месяце еще должны быть довольно серьезные поступления.

- Очень хорошо. Тогда мы оставим необходимый минимум. Прошу вас заполнить...

Клерк протянул ей бумаги. Нина отошла к столику, гадая, почему этот паренек так старательно делает вид, что не узнает ее. Наверно, он тоже смотрит телевизор, догадалась она. Наверно, он тоже верит Бобровскому.

Закупив традиционных городских гостинцев и заправив "вольво", Нина вернулась домой. Чтобы собрать Петьку в деревню, ей не понадобилось слишком много времени, но она все же дождалась вечера, и выехала на Волгоградское шоссе, когда поток транспорта немного поредел.

Обычно она ездила в деревню на поезде, но сейчас ей была противна сама мысль о том, что надо идти на вокзал, толкаться у кассы, а потом еще ехать вместе с чужими людьми, слушать их разговоры и ловить на себе их взгляды... Нет, только не это. Уж лучше лететь по ночному шоссе, навстречу спящим фарам, и слушать тихое радио.

Уже за Каширой Петька заснул на заднем сиденье. Он легко переносил дорогу, только много ворочался во сне, и приходилось все время останавливаться, чтобы его укутывать.

После очередной такой остановки Нина снова включила приемник. Сейчас на этой волне шел выпуск новостей. Нина потянулась к настройке, чтобы поискать музыку, но, услышав, что говорят об убийстве депутата Дерюгина, передумала. Теперь ей хотелось знать все, что касалось этих событий.

"...А как вы оцениваете действия милиции? Ведь никогда еще такие дела не раскрывались с такой стремительностью", - говорил ведущий, обращаясь к своему невидимому собеседнику.

"Как юрист я должен отметить, что рано называть это дело раскрытым. Да, водитель и телохранитель опознали того, кто стрелял в них и в депутата. Да, убийца установлен. Но для всех нас, для общества в целом, гораздо важнее установить заказчика преступления. Киллер является всего лишь инструментом. А в чьих руках был этот инструмент? Кто стоял за спиной убийцы? Вот главный вопрос, на который должно ответить следствие".

"А не кажется ли вам, что с гибелью киллера следствие зайдет в тупик?"

"Это вопрос компетентности следственной группы и ее заинтересованности в результатах. Но я должен напомнить, что, как правило, непосредственных исполнителей заказного убийства ликвидируют сами заказчики. В данном случае тот факт, что киллер был застрелен при задержании, представляется мне весьма многозначительным. Вполне возможно, что некоторые следы этого преступления могли привести в круги, близкие..."

"Вы слушали интервью известного адвоката Михаила Гельмана по поводу нашумевшего убийства в Петербурге, - ведущий быстро перебил незаконченную фразу. - А теперь - о погоде..."

До сих пор у Нины еще оставалась надежда, что все случившееся - чья-то чудовищная ошибка. Ужасная, непоправимая, но - ошибка. Ее Саша не мог быть убийцей. Его подставили, оклеветали. И его уничтожили, чтобы он не смог оправдаться.

Но вот сейчас она сама слышала, что раненные во время покушения водитель и телохранитель смогли опознать убийцу. В это трудно поверить. Сколько раз Нина видела в

кино, как действуют настоящие киллеры! Они надевают парики, накладные усы и бороды, они полностью меняют свой облик. Как же их можно опознать, да еще после смерти?

Нет, никому нельзя верить, решила она в который раз. Верить можно только тому, что ты видела собственными глазами. Именно поэтому ни один адвокат в мире не сможет оправдать Ивана Бобровского перед ее судом. Потому что она сама, своими собственными глазами видела, как он привел в ее дом тех, кто убил ее мужа и разрушил всю ее жизнь.

Ночь пролетела незаметно, и в первых лучах рассвета Нина увидела зеленые купола и белые стены церквушки, стоявшей на холме, за которым она свернула к родной деревне. Вот и крыша материнского дома, краснеющая между кронами старых яблонь.

По деревенской улочке навстречу Нине двигалось пестрое стадо. Мычание коров и звон бубенчиков разбудили Петьку, и он приподнялся, выглядывая в окно.

- Смотри, мам, вон Клякса! А вон бабушка!

Нина увидела мать, и сердце ее сжалось от любви и жалости. Мама, в телогрейке, накинутой поверх ночной сорочки, стояла на крыльце и, приложив ладонь к щеке, разглядывала подъезжающую машину. Наконец, узнав дочку за рулем, она спустилась с крыльца и заторопилась, открывая ворота, чтобы пропустить "вольво" во двор. Но Нина остановилась у плетня.

- Приехали! Хорошие мои! - плача, приговаривала мама, обнимая то Нину, то Петьку. - Устали в дороге, пошли скорее в дом! Я как знала, тесто поставила, пирожков сейчас напечем.

- С вишней? - сонно спросил Петька.

- Да с чем захочешь, с тем и напечем! Родненькие вы мои...

Нина поставила чемодан посреди комнаты, огляделась и подтащила его к печке. Она знала, что Петька будет спать здесь, а не в мягкой кровати. Кровать - это городское баловство, а здесь, в деревне, он имел право занимать все темное и теплое, пахучее пространство на русской печи. И этим правом он моментально воспользовался. Забрался наверх, повозился немного и уже через минуту засопел, заснув под своим любимым лоскутным одеялом.

Пока мама собирала завтрак, Нина сидела над раскрытым чемоданом, перебирая и прикладывая к лицу детские рубашки и носочки. Ей хотелось запомнить и унести с собой этот запах...

- Мама, здесь все его вещи. Разберешься сама. Вот деньги.

Мама перекрестилась, увидев толстые пачки, которые Нина выложила перед ней.

- Батюшки... дочка! Куда же мне столько?

- Я уезжаю. Петя должен жить у тебя. Я хочу, чтобы вам хватило.

- Да нам куда столько! Много ли нам надо! Здесь же не Москва, все свое.

- Я уезжаю надолго. Может быть, на год. Или даже на несколько лет.

Нина села на лавку, усадила мать рядом и, продолжая держать ее за руки, повторила:

- Надолго, мама. Ты же понимаешь, мне сейчас надо уехать.

Мать согласно кивнула.

- Да, я понимаю. Ты не беспокойся, Петеньке тут хорошо будет. А остаться не можешь? Отдохнула бы на молочке, на огурчиках, на картошечке своей, а?

Нина прижала к щеке морщинистую мамину руку, поцеловала ее и решительно поднялась. Мама выбежала за ней на крыльцо, причитая вполголоса:

- Доченька, доченька моя родная! Ниночка! Не уезжай! Оставайся! Мы проживем!

Плюнь ты на них, оставь, они все злые, их Бог накажет! А мы проживем! Останься здесь! Тебя здесь все любят, все хорошим словом поминают!

- Я не могу. Я должна... понимаешь? Я Саше должна.

Мать, качая головой, удерживала Нину.

- Ниночка... не уезжай... Господь все видит! У тебя же сынок, а если со мной что... Ну хотя бы завтра... хотя бы завтра уедешь!

- Завтра будет поздно, мама. Мне пора. Береги себя.

Она сбежала к машине и уехала, не оглядываясь.

Проезжая мимо церкви, Нина вспомнила мамины слова. Господь все видит. Бог их накажет.

Она почувствовала смутную тревогу. На какой-то миг Нина усомнилась. Имеет ли она право сделать то, что задумала? Вспомнились ей и слова материнской молитвы. В детстве каждое утро Нина сквозь сон слышала, как мама читает "...и оставь нам долги наши, как и мы оставляем должникам нашим...", но сейчас она особенно остро поняла смысл этих слов: Бог простит наши прегрешения, если мы простим согрешивших против нас.

Но Нина не могла простить.

Когда-то мама пыталась приучить ее к молитве. Но пионерка и комсомолка Нина Силакова не хотела присоединяться к тем старушкам в черных платочках, что по воскресеньям брели изо всех окрестных сел к их Знаменской церкви. Мама не сердилась. Посмеиваясь, она говорила, что ей придется молиться, как многостаночнице, вместо всех своих родственников, крещеных, но маловерных. "Помолись, мама, помолись за меня, - думала Нина, глядя, как в зеркале поблескивает крест над зеленым куполом. - И верь, что Бог накажет всех наших врагов. Он накажет, но это будет нескоро. А я не могу ждать".

11

Ранним утром Нина приехала на рынок. Она была уверена, что здесь можно купить все. Вопрос цены. А за ценой она не постоит.

Нина долго бродила между рядами, вглядываясь в лица продавцов, грузчиков и охранников. Наверное, через час таких блужданий ее кто-то остановил, прикоснувшись к руке.

- Кого ищешь? - спросил узкоглазый парень.

- Продавца.

- Какого продавца? Что тебе нужно?

- Пистолет.

Узкоглазый оценивающе оглядел Нину.

- Здесь базар. Оружейный магазин знаешь? Вот туда иди. Там пистолет, там карабин, там такой товар есть. А здесь базар. Здесь помидоры, зелень-мелень, банан. Понимаешь?

- Понимаю. Мне нужен пистолет.

Парень поцокал языком:

- Интересный человек, честное слово. Русский язык понимаешь? Пистолет-шмистолет покупать - это срок покупать. За незаконное ношение знаешь, что бывает?

- Знаю. Нужен пистолет. За любые деньги.

Узкоглазый оглянулся и показал на закрытый ларек у забора:

- Иди туда и стой там. К тебе подойдут.

Нина послушно встала у ларька, и стояла там, не замечая, как проходит время. Взгляды мужчин изредка останавливались на ней, но сегодня ни один из них не позволил себе даже

приблизиться. "Совсем страшная стала, наверно", подумала она о себе, как о ком-то постороннем.

Усатый мужичок в телогрейке и замызганном белом фартуке подошел к ларьку, заглянул внутрь через пыльное стекло и, не поворачиваясь к Нине, спросил:

- Деньги при себе?

- Да.

- Товар для себя берешь?

Не задумываясь, Нина ответила:

- Послали меня за товаром.

- Кто?

- Ты еще паспорт у меня спроси, - равнодушно ответила она.

Ее ответ вполне устроил мужичка, и он кивнул в сторону:

- Иди в мясной ряд. Я за тобой.

Пройдя между прилавков, Нина заметила у холодильной камеры уже знакомого ей узкоглазого парня. Тот отодвинул тяжелую дверь, подмигнул Нине и отошел к прилавку.

Нина вошла в темное помещение, и у нее чуть ноги не подкосились от тяжелого запаха крови.

Мужичок в телогрейке зашел следом, и дверь за ними задвинулась.

В темноте вспыхнул фонарик, осветив коровью тушу, лежащую на низком столе.

- Какой тебе ствол нужен?

- Чтобы выстрелил.

Мужичок исчез в темноте, оставив Нину наедине с отрубленной коровьей головой.

Прошло еще минут десять, прежде чем он вернулся и показал два пистолета:

- Смотри. Вот тебе "макар", а вот тебе израильский. Какой хочешь?

- Какой надежней.

- Жидовский, конечно, понадежнее... и по целкости тоже лучше. Но он дорогой. А наш, значит, подешевше. Но жидовский не подведет.

Нина долго переводила взгляд с одного пистолета на другой, не решаясь выбрать. Они казались ей абсолютно одинаковыми. Она ткнула пальцем наугад.

- Сколько этот стоит?

- Ну, я ж говорю, израильский подороже. Ты сколько патронов-то возьмешь?

- Одну обойму.

Мужик ловко вогнал в рукоятку пистолета продолговатый пенальчик с блеснувшими желтыми гильзами и протянул пистолет Нине, держа его за ствол.

- Ну, тогда, значит, с одним магазином это будет... Короче, тышшу мне отслюнявь.

Нина достала из сумочки сложенную пополам тонкую пачку долларов и положила деньги в луч фонарика, на отрубленную коровью голову.

Пистолет прекрасно уместился в сумочке, правда, изрядно ее утяжелив. Нина всерьез опасалась, что тонкий ремешок оборвется в самый неподходящий момент, и поэтому все время прижимала сумочку локтем к боку.

Потраченные часы ожидания теперь казались ей не часами, а неделями. Нину просто трясло от нетерпения, и, едва отъехав от рынка, она прямо из машины позвонила в редакцию общественных программ.

Ей ответили довольно любезно. Как только Нина представилась, голос ее собеседника стал настороженным, просто ледяным, но она знала, чем растопить этот лед.

- Я хотела бы дать вам интервью о контактах девушек нашего агентства с высшими лицами государства. У меня есть с собой видео.

- Ну, привозите завтра с утра, обсудим эту тему, - сказали ей уже совсем иным тоном.

- Завтра? Исключено. Я могу только сейчас.

- Ждем вас на проходной, - прозвучало в трубке.

Ей все же пришлось задержаться. Припарковавшись на студийной стоянке, она достала косметичку и постаралась привести себя в порядок.

Через полчаса Нина решительно направилась к дверям телекомпании. Перед зеркальными стенами двое охранников напирала на монаха с ящиком для пожертвований на груди.

- Нельзя тут стоять, понимаешь? Ты нам весь имидж портишь. Тут все ж таки телевидение, а не супермаркет. Вон, иди к рынку, там и побирайся.

- Разве я кому-нибудь мешаю? - ласково спрашивал монах, улыбаясь в густую рыжую бороду. - Кто пройдет, подаст. Я и не прошу никого, просто стою. Разве запрещено стоять?

- У тебя своя работа, у нас своя. Нам сказали, чтоб ты тут не маячил, вот и топай отсюда. Не доводи до греха. Иди отсюда, иди с Богом. Нельзя здесь нищим.

- Я не нищий. Я на храм собираю...

Второй охранник не стал тратить свое красноречие и просто столкнул монаха с площадки перед входом:

- Пошел, пошел, и больше не появляйся.

От толчка священник споткнулся и едва не налетел на Нину. Он бы мог и упасть, запутавшись в своей черной рясе, если бы Нина не подхватила его под локоть.

- Прости, матушка!

Он поправил на голове свою черную шапочку и сказал:

- Не ходила бы ты туда. Злые там люди.

- Знаю, потому и иду, - ответила Нина. - На храм собираете? Отлично. Очень кстати.

Она достала из сумочки все оставшиеся деньги, сложила пачку пополам и запихнула в щель ящика.

Монах только спросил потрясенно:

- За кого молиться, матушка?

Но Нина не успела ответить ему, потому что увидела за стеклом администратора. Он тоже заметил ее и торопливо пошел навстречу, уже издалека улыбаясь и расточая комплименты:

- Вы Нина Силакова? Вас не узнать. Новый имидж, да? Но выглядите, как всегда, потрясающе. В жизни вы гораздо ярче, чем на экране. Пойдемте, у нас все готово...

Администратор провел ее мимо охраны к лифту, нажал кнопку, продолжая заливаться соловьем:

- Как было бы эффектно, если бы вы сами могли появиться в кадре. Может быть, мы обсудим такой вариант? Я понимаю, что ваши материалы могут быть настоящей бомбой, источник должен оставаться засекреченным. Но вы можете выступить в программе со своими комментариями, например как совершенно постороннее лицо. Тогда никто и не догадается, что вы сами принесли материал. А ваше лицо так украсит картинку! Тридцать процентов зрителей будут смотреть нашу передачу только из-за того, что вы там появитесь. Если, конечно, появитесь. Я не настаиваю, но...

- Такие вещи я должна сначала обсудить с Иваном Бобровским, - ответила Нина. -

Кстати, говорят, он теперь на другом этаже?

- О, да, теперь он на десятом. В гору пошел после своих "убийственных" репортажей. Первый заместитель теперь.

Лифт остановился на пятом этаже, двери раздвинулись, и администратор шагнул первым.

- Прошу вас. За мной. Не отставайте, можете заблудиться.

Он засеменял вперед, но Нина осталась в лифте и быстро нажала кнопку десятого этажа. Двери захлопнулись. Нина достала телефон и набрала номер мобильного Ивана.

- Слушаю, Бобровский.

- Ты где? Это Нина.

- Я занят, у меня съемка.

"Спасибо", - чуть не сказала Нина. Теперь ей не придется его искать.

Выйдя из лифта, она спросила у первого же сотрудника, который пробежал мимо с горой папок у груди:

- У Бобровского где съемка?

- Второй павильон, прямо по коридору.

"Надо улыбаться, - приказала себе она. - Надо выглядеть уверенно и спокойно. Это обычный проход. Коридор, второй павильон. Улыбаться, улыбаться!"

Никто не остановил ее. Вот и второй павильон. Серыми ширмами выгорожена студия. Выставлен свет, за двумя камерами сгорбились операторы. Иван, в фиолетовом костюме и розовой сорочке, сидит за столом. Гример стоит перед ним, припудривает ему нос.

Все. Теперь он никуда не денется.

Она уже не замечала ничего, кроме напудренного лица Ивана, на котором поблескивали тонкие очки. Его голос отдался в ушах, как будто прозвучал через мощный динамик:

- Готово? - спросил он, победоносно оглядывая студию. - Поехали.

Гример убежал, и Бобровский произнес вальяжно:

- Здравствуйте, дорогие телезрители. В эфире новая аналитическая программа, которую веду я, известный вам Иван Бобровский.

И тут он, наконец, заметил Нину.

- Стоп! - раздраженно крикнул Иван. - Я тебе сказал, я занят! Кто ее пустил? Уберите эту девушку. Я с тобой потом поговорю, после...

Нина открыла сумочку, вытасила пистолет и навела его на Ивана:

- Да чего уж после...

Иван, взвизгнув, неожиданно быстро нырнул под стол. Нина нажала на крючок, и пистолет дернулся в ее руке. Она невольно зажмурилась от грохота, а когда раскрыла глаза, то увидела, что Иван бежит от нее. Она видела его фиолетовый пиджак и пистолет в своей руке. Она снова и снова давила на спуск, и пистолет с каждым выстрелом дергался, словно пытался вырваться из ладони. Но Бобровский не падал, не останавливался, а, наоборот, убежал все быстрее, крича и расталкивая на пути стулья, ширмы, стойки. Он повалил прожектор и взбежал на железную лестницу. Нина схватила свой пистолет двумя руками и тщательно, как в тире, прицелилась. Но выстрелить уже не успела. Что-то со страшной силой ударило ее по затылку, и Нина повалилась на грязный линолеум, выронив пистолет...

Нина пришла в себя в тесной комнатке с наклонным потолком. Она лежала на дерматиновой кушетке. Руки ее были больно сжаты наручниками.

Повернув голову, она увидела стол со стареньким телевизором. В пустой стеклянной банке стоял кипяtilьник. Рядом, на расстеленной газетке, высилась гора рыбьей чешуи и костей. Две пустые пивные бутылки и полная пепельница папиросных окурков. И черный телефон.

- Чего зыришь? - раздался грубый голос, и Нина увидела охранника в синей униформе. - Оклемалась? Живучая, сука. Надо было сильнее тебе по башке треснуть.

Нина села на кушетке, прикрывая руками разорванную блузку.

- Лежи, выдра, не дергайся, - сказал охранник, поднимая трубку и стуча пальцем по рычажкам. - Сиськи прячешь? Не прячь, тебя тут уже все рассмотрели. Такое сокровище никому на хрен не нужно. Тоже мне модель. Кошка драная.

Он заговорил в трубку:

- Васильич, это я, с первого поста. Передай шефу, эта выдра очухалась. А менты скоро там? Ну, давай.

В приоткрытую дверь Нина увидела, как по коридору в сопровождении врачей "скорой помощи" и нескольких сотрудников проходит Иван. Размахивая перебинтованной рукой, Бобровский отдавал распоряжения на ходу:

- Да, не забудь взять со всех подписку о неразглашении. Под угрозой немедленного увольнения. Если хоть один звук, если хоть кто-нибудь пикнет... хоть в одной газете, хоть на заборе... Уволю без разговоров, всех подряд!

"Живой, - подумала Нина. - Не может такого быть. Я стреляла в него с пяти шагов. А он живой".

В охранницкую, громко стуча каблуками, ворвались двое милиционеров в бронежилетах с автоматами.

- Эта, что ли, стреляла?

Нина встала им навстречу и хотела выйти. Но они подхватили ее под руки и поволокли за собой так быстро, что она едва успевала переставлять ноги.

У проходной стоял милицейский "уазик", задом к дверям. Его дверца с зарешеченным окном была откинута, и Нину втолкнули внутрь. Она села на узкое сиденье, прислонившись к стене, и дверца с лязгом захлопнулась.

Раскачиваясь и переваливаясь, "уазик" развернулся и отъехал от здания телекомпании. Глядя сквозь решетку, Нина видела Ивана Бобровского, который в окружении своих сотрудников садился в "скорую помощь".

"Живой", - снова подумала Нина, но на этот раз почему-то с облегчением.

"Только рука перевязана. Наверно, пиджак ему испортила. А почему он в джинсах? Он же был в костюме? Успел переодеться. Значит, ему пришлось сменить брюки. Обделался Бобровский", - со злорадством заключила Нина и закрыла глаза, опустив голову на скрещенные руки.

В кабинете, куда ее ввели, было очень накурено. Нина едва различала лица милиционеров, да ей и не хотелось на них смотреть. Но опустить перед ними глаза она тоже не могла, и стояла, гордо подняв подбородок и равнодушно глядя поверх их голов.

- Принимай груз. По вызову с телевидения.

- Что за прошмандовка? Проститутка?

- Типа того. Манекенщица. Крыша у бабы поехала. Стрельба, покушение на убийство, оружие, сопротивление сотрудникам при задержании. В общем, по полной программе приказано оформить.

Милиционеры уважительно присвистнули.

- Оформляй задержание.

Автоматчики ушли, и в кабинете остались два сержанта. Толстый сидел за столом, разгребая бумаги, чтобы освободить место для нового листка. Второй, прыщавый, ходил вокруг Нины, со всех сторон оглядывая ее.

- Прокудин, сблочь ей браслеты.

Прыщавый сержант снял с Нины наручники, при этом он задержал ее кисть в своей потной ладони, разглядывая обручальное колечко.

Положив перед собой чистый бланк, толстый сержант глянул на Нину:

- Члено-раздельно. Фамилия, имя, отчество.

- Силакова Нина Ивановна.

- Деньги, ценности - на стол.

Нина вытряхнула из сумочки все, что в ней было. Увидев несколько долларовых бумажек, подумала: "Надо было все отдать священнику. Жалко, не разглядела".

- Кольца, часы, - подсказал толстый.

Она с трудом стянула с пальца колечко, которое никогда не снимала.

- Отлично. Подпишись вот тут.

Как только Нина, не читая, поставила свою подпись, толстяк одним движением смахнул деньги, кольцо и часы в ящик стола и сказал удовлетворенно:

- Значит, денег и ценностей нету? Ну ладно. Ставим прочерк.

Прыщавый сержант протянул руку к ее шее, откинул волосы и резко сорвал с нее золотую цепочку с крестиком.

Нина поморщилась от боли и отвращения, но все же пересилила себя и попросила:

- Крест отдайте.

- А ты что, верующая? Богомолка?

- Отдайте.

- Отсосешь, отдам.

- Прокудин, Прокудин! - укоризненно протянул толстяк. - Что за речи! Здесь, между прочим, присутствуют более старшие по званию.

"Почему они издеваются надо мной? - подумала Нина. - Я им ничего плохого не сделала. Я не бомжиха, не воровка, не наркоманка. За что же они так ненавидят меня?"

Прыщавый Прокудин, ухмыляясь, за плечи развернул Нину лицом к стене и подтолкнул вперед:

- Руки на стенку, наклониться! Начинаем осмотр задержанного. Ноги шире. Еще шире, вот так...

Упираясь ладонями в грязную стену, Нина почувствовала, как потные руки обхватили ее за талию.

- Осмотр проведем по полной программе, - мечтательно протянул Прокудин, и его руки скользнули выше, по ребрам Нины, и схватили ее за грудь.

- Худая-худая, а станочек что надо, - прокомментировал из-за стола толстяк.

Прокудин вдруг прижался к Нине сзади, и она с отвращением заметила, что он уже возбуждился. Дальше терпеть это не было сил.

Она подалась животом вперед и тут же резко согнулась, изо всех сил ударив тазом в пах Прокудина. Тот крикнул и отпустил ее. Нина развернулась и, соединив ладони, с размаху врезала обеими руками в ухо насильнику. Сержант повалился на пол.

- Ты что, сука!

Толстый сержант выскочил из-за стола, в руке его была резиновая дубинка, и он, без замаха, снизу, рубанул Нину поперек живота. Она задохнулась от боли и так и застыла, согнувшись пополам. А толстяк еще звонко залепил ей затрещину по уху, и Нина отлетела к стене.

Прыщавый, матерясь, поднялся с пола и пнул Нину сапогом. Толстяк надел на ее запястья наручники и приказал:

- Тащи ее, Прокудин, в обезьянник. Не хотела по-хорошему, пусть мандавошек наберется. К бомжам ее.

Нина все еще не могла вздохнуть после страшного удара дубинкой, а Прокудин уже волок ее за собой по грязному коридору к какой-то темной комнате за решеткой. Оттуда несло густой вонью мочи и застарелых грязных волос.

Он отпер решетчатую дверь и, сняв один наручник с руки Нины, толкнул ее внутрь.

- Руки! Руки наружу! - прорычал Прокудин, и Нина просунула руки между прутьями решетки.

Он быстро защелкнул наручники на запястьях так, что Нина осталась стоять лицом к коридору, прикованная к решетке.

- Эй, половые гиганты, - обратился прыщавый к тем, кто зашевелился за спиной Нины в темной камере. - Даю вам полчаса на все удовольствия. В порядке живой очереди.

Он присел и расстегнул молнию на джинсах Нины. Джинсы опустились до колен, и Нина с ужасом оглянулась. Из темноты на нее смотрели несколько пар блестящих глаз. Она разглядела небритые грязные физиономии, подбитые глаза и расквашенные губы, засаленные волосы - и что было сил стиснула бедра и прижалась животом к ледяной решетке.

Прокудин похлопал ее по щеке и ухмыльнулся:

- Не скучай тут.

Один из бомжей уже приближался к ней, почесывая живот. Он был огромный, бородатый и плешивый. Остальные бомжи хихикали, глядя, как Нина беспомощно оглядывается и пытается подтянуть джинсы. И вдруг один из них, сидевший в самом темном углу, поднялся и вышел на середину камеры. Его голос прозвучал спокойно, но требовательно:

- Отойти от человека, гнус немытый.

Бородач развернулся и двинулся на него, сжимая кулаки. Но его противник, на голову ниже ростом, не испугался, не отступил. Наоборот, он шагнул к бородачому и сделал неуловимо быстрое движение рукой, в которой что-то сверкнуло. Бородач остановился и с изумлением уставился на свой живот, который вдруг обнажился из-под разрезанной поперек рубахи.

- Толян, ты чего, в натуре? - обиженно промычал бородач, прикладывая отвисающий лоскут на место. - Первым хочешь, так и сказал бы. А то сразу бритвой махать.

Недовольно бурча, он уселся обратно на широкую скамейку, распахав своих соседей. А бомж, которого он назвал Толяном, обратился к присутствующим с короткой речью:

- Милостивые государи. Отодвиньтесь на хрен в самый дальний угол, по причине вашей невыносимой вонючести и вшивости. А кто прыгнет на девушку, я того попишу.

Он скрестил руки на груди и обвел публику надменным взглядом. Бомжи, ворча, сдвинулись плотнее и забились в угол, освободив на скамейке место. Толян закашлялся,

вытер губы рукавом и повернулся к Нине. Он, не прикасаясь к ней, ловко подтянул джинсы и застегнул молнию.

- Садись, Снегурочка с третьего этажа.

Нина села на уголок скамейки, неловко вывернув руки, прикованные к решетке.

- Тебя за что, Снегурочка?

- Долго говорить.

- А сидеть долго?

- Все равно...

- Ну, что за мотивы безысходности! Вот я, со всей своей эрудицией и тонким художественным вкусом, сижу на нарах, как мелкий хулиган. Но я и есть мелкий хулиган. А ты - птица высокого полета. Ты в этой клетке не удержишься.

Он осторожно погладил ее по руке, и Нина вдруг разрыдалась. Она стонала и вздрагивала всем телом, но слезы не текли из ее глаз, и от этого ей становилось все хуже и хуже. Пережитый страх, боль в груди, мерзкие лапы сержанта... Она чувствовала, что ее страдания только начинаются. "За что, за что?" - с отчаянием повторила она.

- Ты не убивайся так, - посоветовал Толян. - Им твои слезы в радость. Держись как в больнице. Спокойно, вежливо. Не спорь с ними. Ничему не верь, ни одному слову. И жди, когда все кончится. Все пройдет. Самое тяжкое - это здесь, в изоляторе. А после суда просто райская жизнь наступает. Люди и по сорок лет сидят - и ничего.

Его ровный голос помог ей если и не успокоиться, то, по крайней мере, справиться с рыданиями. Она понемногу распрямилась и смогла, наконец, вдохнуть полной грудью.

- Вот, уже веселее, - сказал мелкий хулиган. - Надо же, Снегурочка, где встретились. Я тебя знаю, ты Колькина соседка. Думаешь, Колян не сидел? И он от звонка до звонка отпахал свое. И Достоевский, и О Генри, все сидели.

"Что теперь со мной будет? - думала Нина, слушая своего спасителя. Буду сидеть в тюрьме? Валить лес? Нет, женщины, наверно, на других работах. Сколько лет мне дадут? А Петенька, как он вырастет без меня? Поймет ли он меня когда-нибудь, простит ли? Мама, мама, молись за меня..."

Она прислонилась к стене и опустила голову на скованные руки.

- Вот так, хорошо, - одобрил Толян. - Сил тебе много потребуется. Отдохни, вздремни. Полчаса, а твой. А я рядом, я постерегу. Не бойся ничего.

13

Первый допрос проходил в том же кабинете, где Нина билась с двумя сержантами. Но на этот раз за столом сидел седой мужчина в штатском, в толстых очках. Нина узнала его. Это он расспрашивал ее о Саше.

- Вы должны честно рассказать нам о своем муже, - говорил следователь. - Все, что знаете.

- Я знаю, что мой муж прекрасный человек. Он ни в чем не виноват.

- Какие планы были у вашего мужа?

- Завести второго ребенка.

- Куда он планировал поехать? Кто приходил к нему? О чем велись беседы?

- Мой муж погиб. Вы убили его.

Следователь оторвал взгляд от бумаги:

- Опять вы за свое... Я вам очень сочувствую, но боюсь, дело так не пойдет. Нина Ивановна, вы же умный человек. Зачем вам губить себя?

Он попытался заглянуть в ее глаза, но Нина отвернулась, глядя в стену.

- Поймите, Нина Ивановна, все очень просто. Ваш муж погиб. А вы живы. И жизнь будет еще долгой. Но сломать ее очень легко. Первый колоссальный шаг к этому вы уже сделали. Теперь так. Если вы нам поможете, мы попробуем спустить дело на тормозах. В состоянии аффекта после гибели мужа... и прочее. Получите условно, амнистия, и все. Будете упорствовать будет на всю катушку. Не потому, что я - сволочь. Таковы правила. Вы нам мы вам. Утром деньги, вечером стулья. И лучше вам согласиться.

- Я памятью не торгую.

Следователь раздраженно отодвинул листок.

- Да разве речь о памяти? Речь идет о вашей дальнейшей жизни. Ведь вы нужны вашему сыну, вашей матери. Вы нужны обществу. Да-да, это не демагогия. Если мы будем истреблять вот таких, как вы, то с кем мы останемся? С проститутками и наркоманками, которые могут откупиться от любого суда? Я спасти вас хочу, а вы...

Он встал и прошелся по кабинету, постукивая авторучкой по ладони.

- Вы убили моего мужа, а меня хотите спасти? Довольно странная логика, - сказала Нина. - Вы привезли меня в тюрьму, меня тут избили, чуть не изнасиловали, да еще и ограбили. Вот как вы меня спасаете. Огромное спасибо.

- Вас ограбили? - он остановился.

Она махнула рукой.

- Да пусть подавятся. Вот только крестик жалко.

- Я разберусь.

Он поднес к лицу заполненный бланк.

- В протоколе задержания записано, что денег и ценностей при вас не обнаружено. Про крестик ни слова. У вас точно был крестик, вы не путаете? На золотой цепочке, наверное?

Нина не сочла нужным отвечать, молча уставившись на стену перед собой. А следователь выдвинул ящик стола, порылся там и наконец достал картонную коробку из-под презервативов. Он высыпал из нее на стол что-то звонкое и блестящее. Нина невольно наклонилась к столу, чтобы разглядеть эту горку.

- Посмотрите, Нина Ивановна, здесь его нет?

Перед ней на исцарапанной столешнице лежала россыпь нательных крестов. Большие и маленькие, белые и желтые, один деревянный, а один - черный, из полированного камня. Нина догадалась, что все они когда-то висели на золотых цепочках, как и ее крест. Цепочки исчезли, а вот крестики забрать милиционеры почему-то не решились. Хотя среди них были и серебряные и даже пара золотых.

И вдруг она узнала свой крестик. Он был совсем простенький, но другого такого в этой коробке не оказалось.

- Вот он, - Нина осторожно отодвинула его пальцем от общей кучи.

- Вы уверены? Это же обычная штамповка, алюминий. Смотрите, ошибка может иметь самые катастрофические последствия, - серьезно предупредил следователь. - Вы знаете, что вместе с чужим крестом человеку передается чужая судьба? У меня был интересный случай. Один подследственный на свободе был обычным человеком, таксистом. Однажды он вез пьяного, тот загадил ему всю машину, но расплатился долларами. Во время уборки таксист подобрал в салоне своей "Волги" потерянный золотой крест. Тогда, в восьмидесятые, это была ценная находка. Но он не продал его, а стал носить сам. Через неделю или две его начали таскать в убойный отдел, допрашивать по поводу того самого пьяного. Оказалось,

наш таксист подвез серийного убийцу. Так вы знаете, что случилось потом с этим таксистом? Прошло время, и я снова встретился с ним. Но он был уже не свидетелем, а обвиняемым. И обвинялся по сто пятой статье! Представляете?

- Я могу его забрать? - спросила Нина, зажав свой крестик в кулаке.

- Пожалуйста, - следователь снял очки и протер стекла носовым платком. - Вот видите, Нина Ивановна, мы же можем установить взаимопонимание. Давайте продолжим. Итак, с кем встречался ваш муж...

Нина не отвечала, да она уже и не слышала никаких вопросов. Странное оцепенение охватило ее. "Пусть будет что будет, - мысленно повторяла она. Все равно это когда-нибудь кончится. Пусть будет что будет".

Видимо, такое поведение не понравилось следователю. Возможно, он ожидал какой-то благодарности. Но не дождался. И, когда он ушел, Нину отвели в карцер.

Она устало прислонилась к сырой кирпичной стене, но из-за железной двери последовал окрик:

- Не опираться!

Стоило ей присесть на железную скамейку, как окрик раздался с новой силой:

- Встать! Садиться до отбоя запрещено.

Нина послушно встала. Она поняла, что теперь не сможет сделать ни одного свободного движения. Лишение свободы, вот как это называется. Лишение свободы.

14

В карцер Нину отправили не из-за того, что она молчала. Следователь, закончив допрос, переговорил с оперативным дежурным насчет некоторых особенностей оформления задержанных и ушел. Оперативный дежурный вызвал обоих сержантов, и толстого, и прыщавого, и устроил им разнос с выволочкой и особо жестокими обещаниями. После чего ушел. А сержанты, вернувшись к себе, отправили вредную задержанную в карцер. Просто так, для "воспитательной профилактики правосознания", как выразился младший сержант Прокудин, разглядывая в зеркале свое травмированное распухшее ухо.

Так уж устроен этот мир. Сержанты мучают задержанных, капитаны орут на сержантов, полковники обещают вывернуть матку капитанам, а генералы тихо-спокойно, одним росчерком пера превращают полковников в отставников, что и является самой страшной карой. И только генералов никто не гонит в три шеи, никто им матку не выворачивает, никто не обещает сгноить их в круглосуточных нарядах, и уж тем более никто не посадит генерала в карцер.

Потому что генерал должен сидеть в своем кабинете, в кожаном кресле, и спокойно работать с документами.

Один такой генерал как раз задумался над очередным документом, когда его побеспокоил вкрадчивый голос из селектора:

- Владимир Макарович, к вам заместитель генерального директора телекомпании "Медведь".

- Кто это? - нахмурился генерал, который терпеть не мог телевизионщиков, газетчиков и прочих журналюг.

- Иван Ефимович Бобровский.

- Да-а? - сразу оттаял генерал. - Пусть заходит.

Этого репортера генерал помнил еще по своей старой работе. Хороший репортер, сообразительный. Всегда все согласовывал, акценты расставлял верные, в духе требований.

Таких репортеров сейчас мало, все нынче с норовом.

Бобровский вошел в кабинет, приветливо улыбаясь и держа одну руку за спиной.

- Что прячешь? Гранату? - спросил генерал, вставая навстречу гостю и протягивая ему руку. - Мне докладывают, ты растешь.

- Исключительно благодаря сотрудничеству с вами, товарищ генерал-полковник, - ответил журналист и ловким движением поставил на стол плоскую бутылку зеленого матового стекла.

- Реми Мартин! - уважительно произнес генерал. - Растешь, я вижу, растешь стремительно!

В прежние времена генералу случалось выпивать с Бобровским. Под рюмочку хорошего коньячка решались любые вопросы. Пили они армянский и дагестанский, позже - "наполеон" польского разлива. А нынче - пожалуйста, французский.

Генерал не стал откладывать дегустацию и выставил на стол две дежурные рюмки.

- Давай, Ванюша. За твой успех.

- За наш, - многозначительно поправил Бобровский.

- Значит, заместителем генерального стал? Как это ты вовремя подгадал. Как раз к предвыборной кампании.

- В жизни, товарищ генерал, самое главное - это в нужный момент оказаться в нужном месте.

- Что же, место твое очень даже нужное. Хорошо, что старых друзей не забываешь. Как говорится, будем действовать согласованно. Правильно я понимаю? Хорошие люди должны помогать друг другу.

Бобровский кивнул:

- Для ваших хороших людей, Владимир Макарович, у меня всегда найдется эфирное время.

Генерал понял, что сейчас журналист чего-то попросит. Недаром он так легко пообещал свое содействие.

- Как здоровье после покушения? - запоздало поинтересовался генерал. Болит рука-то?

- Ерунда, элементарный ушиб. Задел локтем об лестницу. Я, кстати, хотел с вами об этом поговорить. В отношении этой стрелявшей. Нины Силаковой. Вдовы Ветра.

- Давай.

Бобровский крутил между пальцами тонкую ножку рюмки, разглядывая на свет остатки коньяка.

- Тут вот какое дело... деликатное, Владимир Макарович. Я заявление по этому случаю не писал. Вы понимаете, я ее знаю очень давно. Эту Силакову. Мы даже дружили... Она баба всегда была на нервах, с придурью...

- По ней и видно. Нормальные бабы за киллеров замуж не выходят.

- Да, это тоже еще, Ветер этот... Она его любила без памяти, всегда ждала, верила и ни о чем таком не подозревала. Он от нее все успешно скрывал. Она ему только в рот смотрела.

- Ну да, артист известный, - мрачно кивнул генерал и налил еще по половине рюмки.

О делах убитого киллера он знал побольше Бобровского, но не счел нужным вставлять свои комментарии. Пусть журналист свободно выскажется, сформулирует задачу, а там видно будет. Если он, скажем, потребует доступа к каким-то уголовным делам, это одно. А если захочет копнуть биографию Саши Ветра, то это совсем другое. Тут никакой коньяк не поможет, подумал генерал.

- Я думаю, у нее от всех переживаний натурально крыша поехала, говорил Бобровский. - Жалко мне ее. У нее ребенок остался маленький. Если бы можно, Владимир Макарович, это дело замять... И нам с вами эта история, честно говоря, совсем ни к чему. Начнутся всякие разговоры: "Какая такая компания "Медведь"? Это где баба в студии перестрелку устроила?" А ведь так и начнут болтать. А рейтинг от таких разговоров, как вы сами понимаете, не подскочит. Баба отсидит, пойдет языком молотъ, еще наврет с три короба. Зачем нам эти лишние слухи и сплетни?

- Лишних не надо, нам и старых хватает, - генерал отмахнулся. Так-так, я тебя понял. Ну, и что ты предлагаешь?

- Ну, она же с придурью. А с больной какой спрос? Ее лечить надо, а не судить. Владимир Макарыч? За мной ведь не заржавеет. Я на добро памятливым.

- Лечить, говоришь? Ладно. Вопрос порешаем, - генерал нажал кнопку селектора. - Оленька, по делу Нины Силаковой, кто там, завтра ко мне, к восьми утра.

- Так точно, Владимир Макарович.

Генерал поднял рюмку.

- Должок за тобой, Ванюша.

- Базара нет, - Бобровский понятиливо улыбнулся.

15

Нина всегда была способной ученицей. Может быть, до отличницы она и не дотягивала, но учителя ее хвалили. Старательная девочка, говорили они, все на лету схватывает. Правда, знания, схваченные впопыхах, так же легко и покидали ее голову сразу после очередной хорошей оценки. Нину это не особенно расстраивало, потому что в жизни было множество вещей поинтереснее школьной программы. Но она всегда успевала понять, чего от нее хочет тот или иной преподаватель, и всегда выдавала правильные ответы.